

Заградотряд Его Величества

*В ВИХРЕ
ВРЕМЁН*

Сергей ШКЕНЁВ

Сергей Шкенёв
Заградотряд Его
Величества. «Развалинами
Лондона удовлетворен!»
Серия «Штрафбат Его
Императорского Величества», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8501983

Заградотряд Его Величества. «Развалинами Лондона удовлетворен!» /

Сергей Шкенёв.: Яуза, Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-74589-0

Аннотация

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Штрафбат Его Величества», «Спецназ Его Величества» и «Диверсанты Его Величества». Вершина царствования «попаданца» под личиной императора Павла Первого. Царь-большевик, заброшенный на российский престол из окопов 1943 года, готов освободить Европу за полтора века до Сталина! Уже разгромлен Наполеон, но победоносная русская армия не остановится в Париже и Берлине. Вперед на Запад! Даешь

Лондон! На штыки поджигателей войны и самых заклятых врагов России! Туманный Альбион должен быть разрушен!

Но царь-«попаданец» дорожит русской кровью и не забыл опыт Великой Отечественной. По его приказу первыми на форсирование Ла-Манша идут не павловские «чудо-богатыри», а вынужденные союзники – французы. Сомневаетесь, что «лягушатники» станут умирать «за Веру, Царя и Отечество»? Вот для этого и нужны ЗАГРАДОТЯДЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, которые помогут западным «партнерам» «искупить кровью» вину перед Россией!

Русские броненосцы отправят на дно «Владычицу морей»! Русское «ура» заставит британского льва навеки поджечь хвост! Русский солдат-Победитель нацарапает обломком вражеского штыка на стене разрушенного Тауэра: «Развалинами Лондона удовлетворен!»

Содержание

Пролог	5
Глава 1	24
Глава 2	41
Глава 3	57
Глава 4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Сергей Шкенёв Заградотряд Его Величества. «Развалинами Лондона удовлетворен!»

Пролог

*Через четыре года после описываемых событий. Лето
1812 года*

– Господи, благослови! – Священник храма Преображения Господня, что в селе Федякове Нижегородской губернии, закончил краткую молитву, подобрал полы заляпанного дегтем подрясника и решительно полез за рычаги изрыгающего дым и пышущего паром железного чудовища. – С Богом, чада мои!

В прямом смысле слова не все собравшиеся на поле люди являлись родными детьми отца Михаила, но уж дочерей и зятя он мог так звать с полным основанием. Собственно, для них же и старался, любыми правдами и неправдами добывая единственный в России самодвижущийся пахательно-сеятельный механизм. Смешно сказать, но херсонский хлебо-

промышленник Завьялов, в тщеславном стремлении стать первым испытателем сего устройства, пытался вызвать ба-тюшку на дуэль, дабы поединком определить очередность.

Сан не позволил принять вызов, потому пришлось обой-тись тремя зуботычинами. И вот механизм, именуемый трак-тором, здесь.

– Будет потом от хлеба гарью и копотью вонять, – с плохо скрываемой завистью заметил кто-то из крестьян, с изряд-ной долей опаски наблюдающих за тем, как переворачивает-ся земля сразу под тремя плугами одновременно. – Негоже это.

Бабы, коих присутствовало изрядное количество, закре-стились, заохали, соглашаясь с предсказателем, и только ста-рый дед, принарядившийся по случаю начала пахоты, отве-сил болтуну подзатыльник:

– Ты навоз на поля вывозишь?

– Вожу, а чего?

– И не жалуешься, что от хлебушка говнецом пованивает?

– Так это же навоз!

– А тут овеществленная человеческая мысль! Почувствуй разницу, придурок!

Пристыженный противник технического прогресса по-спешил спрятаться за женскими спинами, а дедок поправил шапку и бодро затрусил вслед за трактором, успевшим отъ-ехать на половину версты. По пути время от времени приса-живался, разминая в руке землю, и одобрительно кивал. И

сразу же прикидывал в уме сумму, которую запросит отец Михаил за вспашку восьми десятин. А если еще попросить использовать новую прицепную сеялку, что стоит у того в сарае... Этак можно за пару дней со всей работой в поле управиться. И еще останется достаточно времени на огород. Хороша железная лошадь! Ест только дрова, пьет лишь воду да немного какого-то особого масла... Такому коню масла не жалко!

— Дед Пантюха прибыль чует, — со знанием дела высказался в толпе все тот же недовольный мужик. — Неужто и вправду от громыхающего чудища толк выйдет?

Многие с ним согласились. Способность старика делать деньги почти на пустом месте давно вошла в поговорку не только в Федякове, но и ближайших деревнях, и если Пантелей видит потребность в механизме на полях, то это ли не знак Божий? Кто первым в селе построил стеклянную теплицу с печами, чтобы выращивать клубнику зимой и заморский фрукт помидор летом? Поначалу-то смеялись причуде, стоившей тому две сотни целковых, но когда к деду зачастили курьеры от самого губернатора и весело зазвенело серебро, то призадумались. Или покупка привилея на засолку огурцов в тыквах? Ведь страшно сказать — до самого князя Трубецкого-Белякова дошел, но своего добился. Теперь каждую осень шлет возы с бочками в Москву и Петербург и в ус не дует.

Отец Михаил тоже в ус не дул. Душа батюшки, заморожен-

ная мощью и скоростью машины, пела. Куда там серафимам шестикрылым с их унылыми руладами, прости господи! Благодарить небесная, однако, каковой не испытывал, пожалуй, с самого Вселенского собора, коим отделена была Полонская автокефальная церковь от богопротивной и еретической латинской скверны. Как славно разлетались в разные стороны зубы удачно подвернувшегося под удар папского нунция! Лепота!

И вообще в армии было хорошо. Так хорошо, что не хотелось уходить, но государь Павел Петрович в благости своей повелел вернуться к мирной жизни, и сейчас только орден Красного Знамени с мечами да ноющее к непогоде плечо напоминают о минувшем. И кулибинская винтовка под бездымный порох в красном углу под иконами. Отличная винтовка штучной работы с ночезрительным прицелом и серебряной пластинкой на прикладе – дарственная надпись от самого Михаила Нечихаева.

Да, достойнейший юноша, и далеко пойдет. В большую силу, говорят, вошел – в полковничьем чине ныне пребывает, при французском императоре Николае Павловиче в министрах и советниках состоит, да еще за него же скоро младшую сестру замуж выдаст. Так князь Александр Федорович Трубецкой-Беляков рассказывал, а уж он-то лишнего придумывать не станет.

Кстати, а не стоит ли воспользоваться знакомством с влиятельным министром недр и горнодобывающей промыш-

ленности, дабы испросить разрешения вернуться в армию? Правда, Россия нынче ни с кем не воюет, но это же временно, да? Не перевелись еще супостаты... видит бог, не перевелись!

А в самом деле, почему бы не вернуться? Дочерей замуж выдал, внуков дождался, зятя такие, что и сыновьями называть не стыдно было бы... А пятьдесят лет вовсе не тот возраст, когда хочется лежать на печи и рассказывать о былом – тянет еще на что-то душеспасительное, вроде очередного похода. Не постриг же принимать, замаливая несуществующие грехи?

Батюшка усмехнулся, вспоминая вспыхнувшие несколько лет назад споры о допустимости убийства духовными лицами. Чуть было дело до нового раскола не дошло! Но Господь не допустил – послал в умные головы правильные и нужные мысли. Убийство действительно недопустимо, но уничтожение врага, покусившегося на отчизну, таковым не является. Сомневающихся тогда много оставалось, но именно они и составили собой братию закладываемых Павлом Петровичем пограничных монастырей, где пули и сабли лихих людейшек окончательно выбили тени сомнений. Все по святоотеческим заветам, да... молитва мечом не хуже иных прочих, ибо сказано: «Не мир принес я вам, но меч!»

Мысли прервались звонком, известившим о падении давления в котле, и отец Михаил переключил машину на холостой ход, чтобы подбросить дров в топку и добавить во-

ды. Вообще-то механики, построившие трактор, настоятельно рекомендовали использовать в качестве топлива каменный уголь, но они, скорее всего, рассчитывали, что он будет работать в южных землях, где этот самый уголек водится в изобилии и весьма дешев. А оттуда сюда его не навозишься! Только крупные заводчики могут позволить себе гонять баржи по Волге к устроенным у донского волока складам, а бедному сельскому священнику в одиночку такое не потянуть. Вот когда достроят железную дорогу... да не на конной тяге, как сейчас, а на паровом ходу...

Так незаметно и обед подоспел. В прямом смысле – его принесла в поле старшая дочь Марья Михайловна. Увязавшийся за матерью крепкий трехлетний мужичок первым делом проверил дедову работу и лишь потом соизволил обратить внимание на трактор. Насмотрелся за неделю, что это чудище во дворе стояло в ожидании погоды, и зрелище прискучило.

– Федор где? Чего-то я не заметил, как он ушел.

– Где же ему быть-то? Знамо дело, в сарае сидит, четвертый раз за утро сеялку смазывает.

– Неугомонный, – проворчал батюшка с одобрительными интонациями.

Старший зять Федор Саввич Самохин, по ранению уволенный из Второго Егерского полка в звании младшего сержанта, по выходе из гошпитали прослушал сельскохозяй-

ственный курс Ее Императорского Величества Марии Федоровны и теперь к любому занятию подходил научно и основательно. В Британском же походе дослужился до старшего лейтенанта и в качестве трофея привез из Лондона аж целых трех ученых агрономов. Именно он после свадьбы предложил объединить хозяйства в одно «общество», но в противоположность общинному миру, который, как известно, подлец, поставить целью не равную бедность, а личное богатство участников. Сообща оно легче выйдет, да и гуртом даже батьку бить сподручнее...

Батюшка воспринял присказку как обидный намек, и разговоры о благом начинании едва не закончились потасовкой, для духовного лица допустимой, но считающейся неприличной. Но быстро успокоился, уловив здоровое зерно в предложении новоиспеченного родственника.

– Ты, Машка, Федору скажи, чтоб через пару часов сеялку сюда пригонял, ввечеру испробуем. И мешки пусть захватит, что красными лоскутами помечены.

На то зерно отец Михаил возлагал особые надежды. Отчаявшись получить приличные урожаи пшеницы, страдающей то от засухи, то от затяжных дождей, он полностью перешел на рожь и овес. Последний охотно закупали для нужд армии, а за первую государственный заготовитель платил твердую цену. Поменьше, чем вышло бы на базаре в Нижнем Новгороде или на ярмарке у Макария, но договор, заключенный на шесть лет вперед, позволял пренебречь подобной разницей.

Да и не угадаешь с ценой – в неурожайный год с казенных складов могут продавать с наценкой лишь по копейке с пуда, что при больших объемах хоть сколько-то окупит расходы. А жади́на разорится... и поделом собаке!

– Не забудь про красные лоскутки, – напомнил батюшка дочери.

– С тобой забудешь, как же, – хмыкнула та и, подхватив сынишку на руки, исчезла.

Вот ведь... все бабы как бабы – задницей колышут величаво, будто волны в море-океане перекатываются, а эта его-за... И младшая такова же, но у нее хоть муж из отставных воздушных гусар – два сапога на едину ногу.

А семенная рожь действительно хороша. Не зря чуть ли не по зернышку отбирал из лучших колосков, да ездил по чужим полям, где покупая, где выменивая, а где, прости господи, тайком прихватывая приглянувшееся. И так четыре года. Поначалу на крохотной деляночке выращивал, потом больше и больше, нынче же на двенадцать десятин должно хватить.

– Ох ты, – спохватился священник, – чай и обед-то давно простыл.

Простыл – образно сказано. Все холодное и без того, а по случаю постного дня и обедом именуемое только из вежливости. Пара копченых осетровых звеньев, прошлогодние соленые грузди, чищенная луковица да десяток вареных карасей со свежим укропом. Вот и вся еда, не растолстеешь.

– Иже еси на небесех... – отец Михаил перекрестил вышитую скатерть, прислонился к железным спицам тракторного колеса и совсем было собрался отдохнуть от трудов праведных, как деликатный кашель с дороги привлек внимание.

– Хлеб да соль, отче, – вслед за кашлем послышалось и приветствие.

– Здоров будь, Юрий Сергеевич, – вскинулся батюшка. – Перекусишь со мной чем Бог послал?

– Отчего же нет-то? – Местный помещик, отставной лейтенант Федяков, чьим именем и звалось село, многозначительно улыбнулся в усы и шагнул к трактору, осторожно придерживая полу сюртука. – Для того и шел сюда, чтоб перекусить с хорошим человеком.

Юрий Сергеевич и при крепостном житье считался добрым барином, так как обходился без немца-управляющего, а раздав большую часть земель в недорогую аренду, и вообще стал общим благодетелем. Построенная сразу после Наполеонова нашествия паровая мельница вовсе укрепила репутацию, и без того бывшую выше небес от безвозмездного начальствования над народной школой, но имелась у их благородия маленькая и вполне простительная слабость – любил душевные беседы. А с кем еще беседовать, как не с образованным священником? У того, кроме духовной семинарии, боевой опыт в действующей армии, ранение да орденская кавалерия, дающая личное дворянство. Опять же со-

брат по оружию, что само по себе немаловажно.

Разговаривать на сухое горло? Моветон, господа... А вот под вишневую наливочку собственного приготовления, прошедшую добровольную проверку качества в губернской коллегии горячительных напитков и потому не облагаемую налогом при условии употребления в личных целях, но ни в коем случае не на продажу... А наливочка, надо сказать, у Юрия Сергеевича всегда отменная получается.

– Я ведь к тебе по делу, – без предисловий заявил Федяков, доставая четвертьведерную бутылку с жидкостью, благородству цвета которой позавидовали бы виноделы Бордо и Бургундии. – По делу архиважному и архинужному.

– Чем же порадуешь? – оживился батюшка, извлекая из ящика с инструментами два стакана – запыленные и захватанные. Как ни странно видеть это в новой машине. Как мыши в амбаре, так и стаканы, наверное, заводятся в любой технике сами собой. – Рассказывай.

Но Федяков не спешил. С чувством и толком выцедил через зубы наливку, занюхал хлебом, пренебрегая закуской. Уселся поудобнее, вытянув плохо сгибающуюся ногу, и лишь тогда начал:

– Мысль меня посетила, отец Михаил. Очень хорошая мысль. А когда ты пригнал сей механизм, то окончательно уверился в ее правильности.

– Ну же?

– Довелось мне зимой прочитать в «Русском Инвали-

де» рассуждения Светлейшего князя фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. Сей государственный муж, отмеченный многими добродетелями, не оставил без внимания и иные, отличные от военных, вопросы. И размышлял он о совместных хозяйствах, прожект коих находится на рассмотрении Его Императорского Величества.

– И что там? – Батюшка спрашивал исключительно из вежливости, так как политикой мало интересовался.

– Оные хозяйства, для краткости именуемые совхозами, имеют место быть испытанными в нашей губернии, что, согласись, дает нам громадные перспективы.

– Какие?

– Не понимаешь... В Петербурге только еще решают, а у нас уже готово. Совместное хозяйство как на блюдечке! Твоя с Федором Саввичем машинерия, мои мельница и земли...

– Арендаторов куда девать? По миру ведь пойдут.

– У нас и станут работать. Кто захочет.

– Так никто и не захочет. Вспомни, Юрий Сергеевич, хорошо ли барщину на твоих полях исполняли?

– Не вспомню – на оброке были.

– И все равно, – не соглашался отец Михаил. – Наш народ вместе собирается только вино пить али врага бить, работать же мы предпочитаем раздельно. Ничего не выйдет из задумки, господин лейтенант.

– Выйдет, обязательно выйдет, – Федяков тоже перешел на официальный тон. – И вы, батюшка, еще увидите мой три-

умф. И не просто мой – триумф всего прогрессивного человечества. Кредитами, опять же, государь обещал поспособствовать.

– Большой процент?

– Осьмнадцать.

– Недурственно. Особенно если учесть, что дешевле двадцати пяти без залога и не даст никто, то...

Юрий Сергеевич с трудом сдержал торжествующую улыбку и добил батюшку окончательно:

– Осьмнадцать процентов за все десять лет пользования!

– Погоди, – отец Михаил сразу оставил выканье. – Это получается...

– Тысячу возьмешь, тысячу сто восемьдесят отдавать нужно.

– Мало.

– Как это?

– Тысячи, говорю, мало. А тридцать дадут?

– Ежели шестьдесят попросим... Так ты согласен?

Забулькала разливаемая по стаканам наливка, и священник решительно произнес:

– Отсеемся, и сразу в Петербург поедem. К Кутузову. И хорошо бы до сенокоса успеть обернуться.

– Неплохо бы, – кивнул Федяков и потянулся за осетриной. – До чего же ты, отче, красноречивый.

Через две недели удобная пролетка, запряженная парой сытых меринов, везла путешественников в сторону Нижнего

Новгорода. Там отцу Михаилу непременно нужно было зайти в епархиальное управление, дабы доложить о временном отсутствии и оставлении прихода на дьякона, и завезти добровольные пожертвования в Суворовское училище, с обязательной записью сего деяния в «Книгу благодетелей и попечителей». Оно лишним не будет – внуки вот подрастут, и не найдется у них препонов при поступлении. В будущее следует смотреть с уверенностью и надеждой, а еще лучше – строить его заранее.

У Юрия Сергеевича в губернском городе никаких дел не намечалось, и он намеревался провести время в ожидании попутчика за великолепной ботвиньей с расстегайчиками, что подают в трактире на углу Рождественской и Ильинской улиц. Ее много где хорошо готовили, но именно там после сытного обеда можно пройти в отдельный кабинет, где за зеленым сукном всегда найдется достойная компания. Да, предосудительное и запрещенное занятие, но кто же без греха...

– Опять о картах размечтался? – Батюшка ткнул в бок задремавшего под приятные мысли помещика.

– Даже и не думал! – возмутился тот.

– Надеюсь, – отец Михаил вздохнул. – Надеюсь, что игра не закончится как в прошлый раз?

– Я же на карты зарок дал! На всю жизнь! Вроде бы... – последние слова Федяков произнес как-то неуверенно. – До Рождества, во всяком случае.

Ему самому было неприятно вспоминать прошлогоднюю историю на Макарьевской ярмарке, когда его, удачно сорвавшего крупный банк, пытались ограбить прямо в номере гостиницы. Стыдно признаться – из трех выстрелов только двумя попал варнакам в головы, как и целился, а последним позорно промазал и вклепил пулю нападавшему в живот. Потом добил, конечно, но до чего же неудобно получилось. Так что к Макарию больше ни ногой.

Федор Саввич, исполнявший сегодня обязанности кучера, попридержал коней, если мерина можно назвать конем. Впереди спуск к деревне Ржавка, получившей название от одноименной речки, и если не сбавить скорость, то рискуешь влететь в непролазную топь, появляющуюся каждый раз в новом месте. Вот загадка природы и раздолье для пытливого ума естествоиспытателей – там, где вчера проехал по сухому, завтра может оказаться грязь, а послезавтра она переместится, оставив после себя твердую поверхность. И три моста за последние пять лет утонуло – сам настил поверху, а опоры уходят. А вы говорите – сказки... вот они, наяву.

Местным жителям на болото плевать, потому как основной источник дохода является к ним с другой стороны. Заливные луга, что тянутся вдоль берегов Волги на много верст, исправно поставляют сено, укашиваемое как себе, так и на продажу, бесчисленные озера снабжают карасем да жирной щукой, и самое главное – богатые охотники. Дичи пер-

натой здесь не считается, вот и приезжают бездельники на все лето да еще весну с осенью изрядно прихватывают. За простой платят, за свежее молоко, землянику со сливками тоже уважают. Твердый заработок, почитай, у всей деревни.

Сегодня грязи нет. Видимо, не позарилась она на всего лишь пароконную пролетку и решила подождать более богатой добычи. Только мальчишки, коим до всего есть дело, встрепенулись было, увидев свернувших в улицу путешественников, но быстро потеряли интерес, разглядев рясу отца Михаила. Свои прихожане, как-никак, ведь в Ржавке не только церкви, но и скромной часовенки нет. Жадный народ, совсем негодящий.

Проезжая часть деревни короткая и закончилась быстро, и далее дорога пошла через луга. Тоже недолго и недалеко. Тут вообще на узкой полосе между Волгой и ее высоким берегом селения сливаются, и одно переходит в другое. Растим, кроме как в длину, некуда, и иногда не сразу догадаешься, что выехал из того же Никульского и заехал в Кузьминки. Граница – проулок в полтора аршина шириной. Или сколько там по-новому в метрах будет?

Подновская слобода заметна сразу. Дома выше и просторнее, окна застеклены даже в самых неказистых, народ одет богаче и добротнее, а рожи жителей светятся сытостью и самодовольством. Оно и понятно – крепостных здесь отродясь не водилось, да еще с некоторых пор собственный граф имеется. Граф Кулибин, да... И князь с княгиней, приходящиеся

самому Юрику чуть ли не родными правнуками. Государь император тут бывал, матушка его Екатерина Вторая только на берегу, издали смотрела, а этот не погнушался.

Вот, кстати, дом Александра Федоровича. Не пустует, как можно ожидать, и не продан под дачу – сии места с недавних пор стали модным местом отдыха, но занят школой. Пристроены еще помещения, несколько башенок для наблюдения за ночными светилами, и все сооружение стало походить на замок.

В Подновье не задержались – путь лежал дальше, и до Нижнего Новгорода оставалось всего два часа неспешной езды.

Губернская столица в очередной раз сумела удивить – начатое в прошлом году восстановление башни и части стены, упавших от оползня в незапамятные времена, близилось к завершению. Больше ста лет кремль встречал приезжающих щербатой ухмылкой забулдыги, растерявшего зубы по кабакам, и лишь новый губернатор исправил положение. Вынужденный уехать из Москвы в провинцию из-за разногласий с канцлером графом Ростопчиным, Валериан Павлович фон Шанце нисколько не прогадал. Удобное расположение и явное благоволение городу со стороны министра недр и горнодобывающей промышленности дали толчок к столь бурному развитию Нижнего Новгорода, что даже жители Петербурга завидовали удобству проживающих в нем.

Владельцы заводов, как грибы после дождя выросших в Канавинской слободе и Сормове, провели между собой сбор на благоустройство улиц, и теперь даже мастеровые окраины могли похвастаться твердым покрытием, если не дорогим асфальтом, то уж точно из гравия. Его привозили баржами весьма задешево откуда-то из-под Касимова. Не сказать, что сбор денег прошел совсем добровольно, но промышленники вдохновлялись перспективой переноса ярмарки от Макарьевского монастыря на Стрелку и прилегающий к ней Мещерский пустырь, так что шли на жертвы. А почему бы и нет-то?

Одна ярмарка на всю Европу и осталась. Не считать же за таковую потерявший былую славу торг в Лейпциге, где продажа фунта соли сойдет за оптовую сделку! У Макария многие миллионы ходят... И пусть крупная хлебная торговля отошла в казну, не токмо им единым жив человек.

Отца Михаила мысли нижегородских промышленников не заботили, он попросту получал удовольствие от езды по гладким дорогам, от устроенных повсюду цветников, от фонтанов на площадях. И от явного расположения, высказанного владыкой Антонием.

– Заодно и письма в Священный синод завезете, – архиепископ Нижегородский и Арзамасский выложил перед собой на стол объемистый мешок с печатями на завязках. – Вы же знакомы с отцом Николаем?

– Немного. Он присутствовал при награждении, – отец

Михаил непроизвольно дотронулся до ордена, – и удостоил меня краткой беседы.

Обер-прокурора, бывшего священником в том самом знаменитом первом штрафном батальоне, знали все. Многие, в том числе и государь император, прочили его в Патриархи, но отказ принять монашество и женитьба на Дарье Лопухиной послужили тому помехой. Зато не стали препятствием для появления на свет двоих сыновей, названных в честь погибших Великих князей Александром и Константином.

– Это хорошо, – одобрил архиепископ. – Значит, не будет нескромностью отдать письма лично в руки. Обычная почта идет медленно, а посылать курьера несколько накладно. Впрочем, на некоторые расходы я могу пойти... Вы с сопровождающим?

– Да, со мной отставной лейтенант Федяков.

– Прекрасно! – Антоний раскрыл папку, лежавшую тут же на столе, и достал два прямоугольника из плотной бумаги с напечатанным золотом текстом. – Билеты на завтрашний поезд до Санкт-Петербурга.

– Но Юрий Сергеевич уже озаботился покупкой...

– Вернете обратно. Негоже тащиться по железной дороге на конной тяге, когда Господь повелел использовать силу пара.

– Неужели..?

– Точно так. Испытание первого в мире и пока единственного поезда, приводимого в движение пароводным механиз-

мом. Я стар для новшеств, а вас благословляю. Торжественное богослужение и освящение состоится в полдень, так что попрошу не опаздывать. — Архиепископ немного помолчал и добавил: — Даже немного завидую... сорок верст в час, аки птицы на крыльях! В самом скором времени и до Парижа можно будет доехать быстрее, чем до Костромы.

— Да что нам тот Париж, — хмыкнул отец Михаил.

— Ну да, вам же и Лондон приходилось видеть. Меня вот Господь не сподобил.

— Там и смотреть уже не на что. Развалины как развалины, ничего интересного. Вот когда Эдинбург брали...

— Читал заметки Его Высокопревосходительства князя Державина. Оно так и было?

— Конечно же, нет! Ну кто в газетах пишет правду? Разве они для того предназначены?

— А как на самом деле?

Отец Михаил поудобнее устроился в кресле и бросил взгляд на часы. Время позволяло.

— Там много что интересного случилось. А начиналось все в Нормандии и Бретани...

Глава 1

Лето 1808 года

Есть люди, любящие море, и есть ненавидящие его от всей души. И если первые не могут представить себе жизни без хлопающих парусов над головой, свиста ветра в снастях и качающейся под ногами палубы, то вторые бледнеют при воспоминаниях о невероятных трудностях и лишениях водных путешествий. Море же равнодушно и к тем и к другим. Сегодня оно с ласковой улыбкой доброй матери качает на груди храбрецов, бросающих вызов пучине и расстояниям, а завтра отправляет их на дно, оставляя цепляющихся за обломки мачт и досок трусов. Или топит всех без разбора и следа. Но не от злости... от безразличия к судьбам. Какое дело вечному океану до плавающих по поверхности насекомых существ?

Иногда море пресыщалось или брезговало жертвами, и тогда волны выбрасывали отторгнутое на берег, возвращая земле излишки. Куски просмоленного дерева, спутанные обрывки сетей... и то, что когда-то было людьми.

Лишь чайки радовались дармовому угощению. Чайки, пожалуй, самые многочисленные обитатели побережья, и кроме них давно уже не встретишь здесь иной живой души. Революция, тогда еще не получившая громкое имя Великой

французской революции, и последовавшие за ней события способствовали запустению – парижане твердой рукой приводили Францию к свободе, равенству и братству. Мертвый человек – свободный человек! И самый безопасный для равенства и братства.

Потом власть переменилась, и Великий император крепко взнуздal генералов-башмачников и прочих полководцев-булочников, направив их энергию на завоевание жизненного пространства. И замаршировали батальоны по египетским пустыням, швейцарским горам и итальянским равнинам. Императору слава! Франции слава! И безымянные могилы для вчерашних бретонских рыбаков и нормандских крестьян по всей Европе. А сколько таких появилось во время Восточного похода? Да кто знает... а хмурые русские медведи в своих лесах, может, и ответили бы, но нет больше желающих спрашивать.

Но с недавних пор пустынное побережье чуть ли не от Бреста и до самого Кале ожило – Наполеон решился на высадку в Англию. То, о чем столько мечтал и к чему долго готовился император всех французов, вот-вот свершится! Или это дружеские штыки союзных русских дивизий упираются в спину, понукая к исполнению планов по десантированию на туманные берега извечного противника?

Может быть, и так – зеленые мундиры мелькают тут и там, не давая забыть об обязательствах. Русская пехота и казаки

присматривают за погрузкой, прикладами и ножнами подгоняя потерявших былой энтузиазм французов к сходням голландских и датских кораблей. Они же несут охрану армейских магазинов с ружьями и порохом – те поплывут в Англию отдельно и лишь там попадут в руки доблестных наполеоновских солдат. Перед боем, если таковой случится. Многих из-за этого посещало острое чувство узнавания ситуации, только тогда оружие прятали под замками от отребья из Неаполитанского королевства.

– Генерал Тучков нам не доверяет, – жаловался Наполеон своим адъютантам, говорившим на французском языке с правильным парижским выговором, но с едва уловимым акцентом. – Его превосходительство не хочет понимать, что моя армия уже не сможет повернуть назад. Я не только про Англию, господа! Я о том, что французский солдат никогда не захочет воевать с Россией и детям своим заповедает.

Пожилой капитан со значками щита и меча на васильковых петлицах вежливо улыбнулся:

– Государь Павел Петрович считает точно так, Ваше Величество.

– В вопросе недоверия?

– Нет! – Чертов русский офицер исполнен благожелательности и любви к ближнему. – Конечно же, ни о каком недоверии не может быть и речи.

Бонапарт понимающе усмехнулся, почти скривился, но спорить больше не стал. О чем спорить с капитаном, на-

верняка получившим четкие инструкции от царя или графа Бенкендорфа? Приличия соблюдены – подписанный договор о дружбе, сотрудничестве и военной помощи напрямую объявляет миру о равноправии составивших «сердечное согласие» империй. Как оно обстоит на самом деле – никого не должно интересовать. Это тоже вписано отдельным пунктом, как тонкий намек о недопустимости разглашения подробностей.

И человеку, давно уже верящему не в бога, но в судьбу, остается только смириться с ней и с ее несправедливостью. До поры? Да, до поры! Фортуна неоднократно выказывала благоволение, и когда-нибудь обязательно вернет его. Кто сказал, что Аркольский мост в жизни не может случиться дважды?

Адъютанту задумчиво-загадочный вид подопечного не понравился, и он поспешил отвлечь императора Франции от размышлений:

– Гвардия идет, Ваше Величество!

Да, для того они и прибыли в захудалую деревушку близ Гавра, чтобы проводить «старых ворчунов» к новым подвигам. Правда, Наполеон подозревал о желании генерала Тучкова заодно и показать императора людям, дабы избежать пересудов и слухов о подмене «маленького капрала» двойником. Кому, как не гвардейцам, знать его? Да и сам помнит в лицо каждого. Почти каждого – потери в Русском походе оказались столь велики, что пришлось набирать пополнение

из такого сброда...

Суровые знакомые лица. Обветренные и загорелые. Слегка располневшие на союзнических харчах. А еще недавно... И тут же будто острая заноза воткнулась в грудь, а мерзавка-память нарисовала совсем иную картину...

Обмороженные калеки, еле-еле передвигающие ноги, обессиленные от скудного рациона из сальных свечей, сдобренных вместо соли остатками пороха. Праздник выдавался, когда падали кони в артиллерийских упряжках и удавалось сварить жилистое, пропахшее потом и дымом, но такое восхитительное мясо. Не всегда получалось – преследующие отступающую армию русские гусары немедленно устраивали обстрел стоянки из чудовищных дальнобойных ружей, в первую очередь выбивая добровольных поваров.

Ели на ходу. Даже императору приходилось пробовать сырую конину. Иногда. Вот потому «старые ворчуны» до сих пор вздрагивают при виде пятнистых гусарских мундиров, а едва заметив вдалеке островерхие суконные шапки Красной Гвардии – впадают в панику. До сих пор...

Сопровождающий гвардейцев бородатый казак по всем правилам отсалютовал союзному императору саблей и, не слезая с коня, доложил по-французски:

– Первый батальон Бобруйского пехотного полка следует на посадку, Ваше Императорское Величество.

Наполеон удивленно округлил глаза. Дикий азиат, один из тех, чьим именем пугали Европу, свободно изъясняется на

языке Вольтера и Руссо? Воистину что-то неладное творится в мире.

Удивился, и не сразу осознал неправильность и странность названия полка. Опомнился через минуту:

– Почему Бобруйский?

Казак ответил с улыбкой:

– Повелением Его Императорского Величества Павла Петровича, наиболее отличившимся из ваших полков дано право именоваться названиями тех мест, где сей подвиг имел место быть. Помните то славное дело, Ваше Величество?

Еще одна шпилька от русского царя, замаскированная под роскошный букет роз. Помнил ли Наполеон дело под Бобруйском? Как не помнить, если именно там его гвардия получила оплеуху от так называемого народного ополчения, поддержанного восемью сотнями ракетных станков и двенадцатью батареями гаубиц. И позднейшая информация, что под видом вооруженного народа выступили отборные егеря, не смогла сгладить постыдное чувство бессилия при бегстве.

Какие же еще названия дал полкам император Павел? Любые – ткни пальцем в карту, и вот оно, новое имя для полка. Брест-Литовский, Янов, Пинск, Уручье, Ляховичи... и многие другие, труднопроизносимые для любого француза.

– Вы свободны, господин казак. – Наполеон отвернулся, потеряв интерес к бородатому азиату, и надолго замолчал, разглядывая приготовленные к легкому завтраку закуски на походном столике.

Не торопясь наполнил высокий бокал содержимым оплетенной лозой бутылки, только собрался поднести его к губам, как был вынужден оглянуться, привлеченный криками за спиной. Французский гвардеец с выдающимся носом и мелкими чертами лица, какие часто случаются у обладателей прованской и гасконской смешанной крови, выскочил из строя и побежал к императору, на ходу размахивая руками.

Внимания он добился, но вот в остальном потерпел неудачу – стрелы конных калмыков приданного Бонапарту почетного конвоя оказались проворнее беглеца, превратив того в подобие подушечки для иглодок или дикобраза из Нового Света, и перед императором упал уже покойник. Маленький бумажный шарик выкатился из ослабевшей руки... Письмо?

На всякий случай Наполеон наступил на смятый комок и присел на колено, делая вид, что рассматривает мертвеца.

– Гаспар Моле был со мной в Египте.

– Что не помешало ему покушаться на вашу жизнь, Ваше Величество, – адъютант ногой отшвырнул длинную стальную спицу, выпавшую из рукава гвардейца. – Разрешите убрать тело преступника и провести допрос его сослуживцев?

Император поднялся, незаметно опустив бумажку за отворот сапога, и отмахнулся:

– Я уверен, что это единственный, кого смогли подкупить англичане, а остальным же нет оснований не доверять.

– Увы, Ваше Величество, я вынужден настаивать на своей

просьбе.

– Делайте что хотите, господин капитан.

– Это не от желания зависит, Ваше Величество. У нас инструкции.

Уж в этом император не сомневался – русское министерство государственной безопасности славилось умением подбирать исполнительных, но склонных к разумной инициативе офицеров. К нему наверняка приставили не самых худших, и они завтра же докопаются до истины. Ну а сегодня его день!

– Не буду мешать, господа!

Происшествие ничуть не испортило Наполеону аппетит, и он вернулся к обделенному вниманием столу с завтраком. Даже лучше, если все отвлекутся на расследование, – никто не помешает прочесть злополучную бумажку, стоившую жизни хорошему солдату.

Его Величество, увлеченный замечательным сыром из русского города Вологды и вишневой наливкой из подмосковных садов князей Долгоруковых, заботился о возможности тайком от адъютантов изучить послание и не следил за происходящим за спиной. Меж тем там творились весьма занимательные вещи – офицеры, шепотом переговариваясь, осматривали тело несостоявшегося злоумышленника. При чем они не старались обнаружить что-то новое, а, скорее, пытались убедиться в отсутствии искомого.

– Как вы думаете, Павел Сергеевич, он успел передать? – Лейтенант с такими же петлицами, что и у капитана, вглядывался в каменистую площадку, очищенную и выровненную перед установкой императорской палатки. – Потеряться не могло?

– Это вряд ли, Ипполит Дмитриевич, – старший по званию пригладил усы и показал глазами на подопечного. – Иначе с чего бы такая нарочитая невозмутимость? Наша мышка унюхала кусочек сыра.

– Хотелось бы так, – откликнулся лейтенант. – Иначе будет стыдно перед Михаилом Касьяновичем.

Капитана Нечихаева, с недавних пор назначенного на должность куратора от ведомства Александра Христофоровича Бенкендорфа, в войсках знали и уважали. И вовсе не за то, что его расплывчато обозначенные обязанности позволяли манкировать мнением многих генералов... нет, не за это. Гусар Ахтырского полка стал известен как самый молодой георгиевский кавалер еще в далеком восьмьсот первом году, прославился в морском сражении у Мальты, отметился в Хивинском походе, да и о славных делах нынешней кампании много писали в газетах. Идеальный пример для подражания!

Заминка, вызванная допросами французских гвардейцев из Бобруйского полка, не повлияла на время отправления десантного корабля. Он не один, и недели две пройдет, пока за-

грузятся остальные. А то, что все эти дни придется провести в тесном и душном трюме... так от солдат никто и не скрывал предстоящих трудностей. Посидят и не сдохнут, в первый раз, что ли? Тем более русские нагнали сюда невероятное количество посуды и руководят размещением союзников сами, дабы не давать французским командирам повода к искушению. Какому? Да очень просто – трюм набивается до отказа, а за право подышать свежим воздухом на верхней палубе требуют денег, как и за очередь на подвесную койку.

Русские подобную коммерцию не одобряют или не видят в ней смысла. Скорее всего, второе – денег у солдат все равно нет, и до ближайшей выплаты ровно столько, сколько до английского берега. Там их ждут звонкие франки и шиллинги, если, правда, последние к тому времени будут в ходу. Но и в этом случае обещали поменять по достойному курсу, а кому повезет, то даже на рубли. Лучше бы они, ведь неизвестно, сколько осталось серебра в хваленых шиллингах с чеканным профилем какого-то там по счету Георга.

Но пока тоже неплохо – новое или почти новое обмундирование, кормежка от пуза три раза в день и еженедельно по фунту мяса. Что еще нужно солдату? Разве только веселых девиц, но кто же их на корабль пустит?

Совсем молоденький француз из Бобруйского полка, видимо, думал иначе. Он не стал устраиваться в отведенном ему месте, а бродил по трюму, с виноватым видом приста- вая к казакам конвоя с какими-то просьбами. Те его не по-

нимали и разводили руками, посылая к вышестоящему начальству незнакомыми, но одинаковыми фразами.

– Чего же ему надобно от нас, Гриша? – урядник Войска Донского с двумя медалями за Хивинский поход на груди вопросительно посмотрел на казака, проявившего интерес к французу.

– Хочет двадцать копеек в долг взять.

– Это зачем же ему?

– Написал письмо домой, вот и хочет отправить. А вот куда, я так и не понял, Василь Прокопъич. Двадцать копеек для письма дорого – наша почта больше пятачка не берет.

– Так спросил бы.

– С моими тремя годами станичной школы только с иноземцами и балакать, – засмеялся казак. – Мы академиев не заканчивали.

– Не скалься! – прикрикнул урядник. – Отведи-ка лучше нехристя к их благородию.

– Никак пожалел убогого?

– Ну и что? Всяко божья тварь, не ефиоп какой.

Григорий вздохнул и пошел к бедолаге, укоризненно бормоча под нос:

– Подведет нас под монастырь эта доброта, Василь Прокопъич, вот ей-богу доведет. Всю жизнь ведь через нее страдаем.

Несмотря на ворчание, в глубине широкой донской души Григорий испытывал к французу какую-то жалость. Низко-

рослый и худосочный, как и все солдаты нового пополнения, тот смотрелся воробушком на фоне сослуживцев, поглядывающих на сотоварища странными взглядами. Неужели подозревают ябеду? Да тут и подозревать не нужно – ткни в любого, посули теплое место в тылу, и каждый станет с пре-великой охотой доносить и шпионить.

– Эй, мусью, ком цу мир! А ля гер, ком а ля гер! Мерде, пардон муа!

Хотя Григорий вывалил только половину запаса инозем-ных слов, но француз его понял. Несмело улыбнулся и сде-лал шаг навстречу.

– Жан-Луи Гастон, месье!

«Ага, вот и понимай теперь, где тут имя, а где прозвище... И что это у них все не как у людей?»

– Пойдем до его благородия, – казак перехватил протя-нутую руку француза, недвусмысленно давая понять, что в случае сопротивления попросту выдернет ее напрочь. – Не будем заставлять господина лейтенанта ждать. Хотя, честно признаюсь, он тебя и не ждет.

Вот так, чуть ли не в обнимку, и поднялись наверх. Чер-тов нехристь постоянно спотыкался, все норовил сунуться носом в палубу, и один раз ему это удалось – налетел на упав-шее из-за чьей-то небрежности тележное колесо. Так и пред-ставить его благородию красавца с расквашенной мордой? И зачем, кстати, этими колесами чуть ли не половину трюма забили?

Лейтенант Самохин нашелся в каюте, любезно уступленной русскому союзнику датским шкипером. Федор Саввич отказываться от предложения не стал – не то чтобы он так стремился к комфорту, но очень уж мягкие здесь перины. Не роскоши и лени ради, а удобства для! Раненная когда-то нога в конце дня давала о себе знать ноющими болями, а на мягкой перине... Да что говорить, многие оценят.

А что до лени... Происхождение Федор Саввич имел из крестьян Нижегородской губернии, «их благородием» стал всего лишь два месяца назад, вернувшись на службу по императорскому призыву. Откуда же пагубным привычкам взяться? В отставку по ранению уходил в сержантском звании, а потом на земле работал. Хорошо работал, имея кусок хлеба с толстым слоем масла.

Мог, кстати, и отказаться от призыва, благо состояние здоровья позволяло сделать это без урона для чести и репутации, но возможность получить потомственное дворянство не дала усидеть на месте. И невеста, старшая дочь сельского священника, смотрела с таким восхищением... Сам-то отец Михаил чуть ли не с первого дня Наполеонова нашествия воюет, и негоже будущему зятю отставать от тестя в чинах и наградах. А лучше всего – превзойти! И опять же, дома сидеть, когда государь император призывает знатоков французского языка, неприлично. Оно, конечно, не долг, но когда учился за казенный счет в сельскохозяйственном училище

Ее Императорского Величества Марии Федоровны, то кое-что обязывает.

– Разрешите, ваше благородие? – После короткого стука в каюту заглянул казак. – Французик тут с просьбой до вас.

– Заводи. – Лейтенант отставил в сторону граненый стакан производства братьев Нобелей в серебряном подстаканнике и застегнул ворот мундира. Русскому офицеру пристало выглядеть прилично даже перед собаками или союзниками. – Что там у него?

– Письмо хочет отправить и денег просит. А кому, куда и зачем написал, мы не поняли. Вот Василь Прокопъич и распорядился к вам отвести.

Солдат опасливо шагнул в каюту, и Самохин с неодобрением покачал головой:

– Недокормыш. Григорий, ты где такого отыскал?

– Сам нашелся. Да их там четверть таких тощих, Федор Саввич. – Казак позволил себе некоторую вольность в обращении, допустимую при разговоре одного понюхавшего порохов человека с другим. – Так я попозже за ним зайду?

– Да, – кивнул лейтенант. – Отчего-то думается, что сей молодец желает со мной побеседовать с глазу на глаз. Заодно скажи уряднику, чтоб кашеваров поторопил. И пробу пусть сам снимет.

Григорий исчез, аккуратно притворив за собой дверь, а француз, разобравший хорошо знакомое слово «кашевар», произвольно сглотнул слюну. Это сытость глуха даже к

родному языку, но голод интернационален и заставляет выучить любой. Хотя бы несколько слов, обозначающих еду. Ведь даже бескрылые птицы, привезенные Фаддеем Фаддеевичем Беллинсгаузеном с открытой им обледенелой земли, и те учатся, и заимели смешную привычку разевать длинные клювы при одном только упоминании о рыбе, еще не видя ее. А тут человек!

– Итак, юноша, – Самохин перешел на французский. – Что у вас за проблемы?

Тот опасливо огляделся по сторонам и, понизив голос почти до шепота, произнес:

– Хочу сообщить о заговоре, имеющем место быть в первом батальоне Бобруйского полка бывшей императорской гвардии. Очень недорого хочу сообщить.

Документ 1

Из речи премьер-министра Великобритании сэра Персиваля Спенсера в Парламенте.

«...Английская армия и ее колониальные войска – это единственная возможная защита. В своей речи от 20 июля принц-регент задал вопрос: что стало бы с Британией и Европой, если бы мы не начали решительную борьбу с азиатской империей? Какая бы опасность за этим последовала? Семь лет непримиримой борьбы с русскими варварами на-

глядно показали английскому народу всю серьезность, которую Санкт-Петербург представляет на востоке. Теперь всем понятно, почему мы говорим о борьбе с русскими в газетах и парламенте.

Мы строгим голосом предостерегаем наш английский народ и всю Европу, надеясь вывести цивилизацию из поразившего ее паралича духа и воли. Мы пытались открыть им глаза на страшную опасность, исходящую от Российской империи, которая подвергла народы Азии и Европы страшному террору и готовилась к захватнической войне.

Когда Его Величество и Его Высочество принц-регент приказали атаковать Санкт-Петербург весной 1801 года, мы все знали, что это будет великая битва великой борьбы. Но мы также знали, что риски и трудности со временем увеличиваются, а не уменьшаются. Дальнейшее выжидание запросто могло привести к уничтожению Великобритании и полному захвату русским царем европейского континента.

Неудивительно, что из-за строжайшей секретности русского правительства и предпринятых им мер, вводящих в заблуждение, мы не смогли должным образом оценить военный потенциал Российской империи. Только сейчас мы видим его подлинные масштабы. Именно поэтому борьба, которую ведут наши солдаты в Нормандии, превосходит по своей суровости, по своим рискам и трудностям все человеческое воображение. Она требует от нас полной мощи. Это угроза Соединенному Королевству и всему европейско-

му континенту, которая задвигает в тень все прежние угрозы. Если мы потерпим неудачу, мы провалим нашу историческую миссию.

Все, что мы делали в прошлом, меркнет перед лицом колоссальной задачи по отражению русского нашествия. Только британский народ может спасти Европу от этой угрозы! Нам угрожает опасность, и мы должны действовать быстро и решительно, или же будет слишком поздно»¹.

¹ Многие узнают эту речь, произнесенную через сто тридцать пять лет после описываемых событий. Но разве не могли ее произнести в то время и в том месте? – *Прим. авт.*

Глава 2

На столе перед императором всех французов лежит кожаная папка, в каких обычно подают бумаги на подпись. Эта не является исключением.

– Что вы подсовываете мне сегодня, месье капитан? – Голос Наполеона равнодушен, так как его резолюция всего лишь формальность, без которой русские союзники прекрасно смогут обойтись. Чаще всего и обходятся. – Надеюсь, это не договор о добровольном присоединении Корсики к Херсонской губернии?

Остается только шутить. Что еще делать императору, чья власть жестко ограничена инструкциями адъютантов и волей русского царя?

– Нет, Ваше Величество, Россия не имеет к Франции территориальных претензий. Базы нашего флота на Корсике служат сохранению целостности империи и ее защите от нападений извне.

– Тогда что же здесь, месье капитан?

– Расстрельные списки, Ваше Величество.

Наполеон тяжело вздохнул. Еще одна неприятность – Павел Петрович в категорической форме потребовал наказания военных преступников, чья вина в грабежах и убийствах мирного населения доказана, но не ограничился этим. То и дело находились новые доказательства, и военно-поле-

вые суды не оставались без работы. Что хуже всего – утверждать смертные приговоры должен именно он, император всех французов.

Кстати сказать, вполне естественное и предсказуемое желание русского царя повязать союзника кровью. В настоящее время Павла Петровича можно назвать лучшим из политиков, и наивно было бы ожидать, что он упустит великолепный шанс. Ну что же... как говорят сами русские – лес рубят, щепки летят. И больно бьют по безвинным грибам. Тем более в списках невинных нет и быть не может – слишком велики ставки для мелочного обмана. Алтарь Французской империи требует жертвенной крови? Он ее получит.

Но для порядка все же требуется перечитать бумаги самому.

– Оставьте папку, капитан.

– Слушаюсь, Ваше Величество! – адъютант дотронулся до папки, и без того ожидающей внимания императора на столе, и шелкнул каблуками. – Разрешите зайти за подписанными приговорами через два часа?

И этот торопит. Господи, поскорее бы оказаться в Англии, где появится враг, которому не нужно будет улыбаться.

Оставшись в одиночестве, Бонапарт долго смотрел на папку, будто ждал, что та загорится от полыхающей во взгляде ненависти. Даже не задымилась, а жалко... Наконец, придвинул ближе и, преодолевая внутреннее сопротивление, раскрыл. Взял в руки первый лист.

«Протокол допроса.

Лейтенант Антуан де Перпиньяк, 1783 г. рождения.

Уроженец г. Бордо. Из дворян. Образование домашнее.

Под судом и следствием ранее не состоял.

От 20 августа 1808 г.

(Допрос начат в 9 ч. 30 мин.)

Вопрос: Вчера на очной ставке ваш соучастник Жан Першегю разоблачил вас в совершении убийства мирных граждан Российской империи. Расскажите подробнее о ваших преступлениях в так называемом «Восточном походе».

Ответ: В преступления меня вовлек мой собственный командир майор Першегю в октябре или начале ноября 1807 года. С этого времени и началась моя преступная деятельность. При моем личном участии, а также с другими офицерами егерского батальона, к которому я принадлежал, совершены следующие преступления.

В ноябре 1807 года солдатами и офицерами егерского батальона совершено убийство крестьянской семьи в деревне Хрыся в количестве 5 человек, которые были расстреляны за укрытие фуражного зерна. Я их не расстреливал, но после расстрела приказал снять с убитых одежду и бросить трупы в колодец.

В ту же ночь была убита еще одна крестьянская семья в количестве 12 человек, отказавшаяся выдать нам крепкое

хлебное вино. В их убийстве я принимал такое же участие, как и при расстреле предыдущей семьи, то есть приказал раздеть и бросить в колодец.

Еще в ноябре с участием офицеров батальона задушена семья в той же деревне. Лично я задушил веревкой местного старосту, а его мать задушили майор Жан Першегю и лейтенант Франсуа-Мари Граве. Трупы мы раздели и опять бросили в колодец. При убийстве семьи старосты присутствовали офицеры гвардейской артиллерии Луи Ле Пен и Альбер де Морсиньяк, которые помогали раздевать убитых и грузить изъятые продукты в телегу.

В середине ноября солдатами батальона в деревне Завершье в одну ночь были задержаны 8 беженцев от французской армии, временно проживающие в деревне Завершье. Все эти беженцы отведены к деревенскому колодцу и задушены. Лично я задушил одного из них, майор Першегю тоже одного, лейтенант Франсуа-Мари Граве задушил двоих, а остальные убиты егерями батальона по приказанию вышеупомянутого майора Першегю. Все трупы нами были раздеты и брошены в колодец.

В декабре 1807 года в деревне Ополь были задержаны две семьи беженцев – одна в составе 6 человек, другая – 9 человек. В их задержании я принимал участие, а кто расстреливал, не знаю. Снятая с трупов одежда распределялась среди офицеров батальона или разыгрывалась в карты.

В середине декабря 1807 года были задержаны 6 крестьян

среднего возраста, больные неизвестной болезнью. Все они были отведены к колодцу и там заколоты штыками. Убивали их майор Жан Першегю, не помню, но командовал именно он.

Примерно в январе 1808 года вечером меня вызвал к себе командир батальона майор Першегю, и когда я пришел, то застал командира нашего полка полковника Робера Ванно. Полковник мне сказал, что сейчас мы поедем в имение не успевшей сбежать графини Браницкой и там допросим ее. Причин такого приказа я уточнять не стал, и мы поехали. В имении забрали графиню, отвезли в лес, там майор Першегю и полковник Ванно ее задушили, после чего я ее раздел. Труп бросили в лесу, а одежду с нее я отдал лейтенанту Франсуа-Мари Граве.

Вопрос: За что вы убивали невинных людей?

Ответ: Я их убивал по приказу командира батальона и командира полка, без всяких колебаний, и меня не интересовало, в чем заключалась их вина перед императором Наполеоном Бонапартом и Французской империей.

Записано с моих слов верно, мне прочитано, в чем и расписываюсь: лейтенант Антуан де Перпиньяк.

(Допрос закончен в 15 ч. 30 мин.)».

Император с отвращением отбросил бумагу. Русский царь сам виноват в гибели своих подданных! Ведь именно он приказал вывезти с пути Великой армии все население и все припасы. Если кто-то остался, то это вина исключительно

русского правительства и их же недоработка. И потом... цивилизованная война не подразумевает тактику «выжженной земли», так вообще никто не воюет! Неужели бы французы стали убивать крестьян из-за нескольких мешков зерна, если бы оно имелось в достатке? Варвары... скифы...

Но подписывать смертные приговоры все равно придется, как и присутствовать при их исполнении. Положение обязывает, оно попросту вынуждает подчиниться грубой силе. Иначе можно распрощаться с далеко идущими планами. Не время пока возражать.

В следующем листе похожий протокол допроса, только имена и названия деревень другие. Ага... среди вменяемых преступлений появилось людоедство – солдат убил и съел собственного командира. Этот приговор можно подписывать со спокойной душой.

Третий протокол... четвертый... пятый...

Вышедшего от императора капитана окликнул посыльный из штаба дивизии Тучкова, о чем говорила красная повязка на руке:

– Ваше благородие, капитан Нечихаев просил вас зайти к нему в любое удобное время. Лучше всего прямо сейчас.

Павел Сергеевич улыбнулся, показывая, что оценил шутку. Он и сам собирался обсудить с Михаилом Касьяновичем кое-какие вопросы, так что просьба оказалась весьма своевременной. В запасе есть два часа, и пока французский им-

ператор изучает бумаги, можно сходить.

– Проводишь?

– Так точно, ваше благородие!

От кабинета Наполеона до штаба Красной Гвардии пять минут быстрым шагом – Тучков не хотел выпускать императора из поля зрения и всегда размещался поблизости. Или наоборот, определял Бонапарта рядом с собой, но не признается в этом из соображений вежливости по отношению к союзнику.

Нечихаев встретил капитана горячим чаем с баранками. В войсках давно вошли в моду «кутузовские» самовары емкостью в два стакана, а у практически непьющего гусара таковых имелось две штуки. Второй – наградной, с памятной гравировкой на блестящем боку.

– Присаживайтесь, Павел Сергеевич.

– Спасибо, Михаил Касьянович, – капитан налил себе чаю в стакан с подстаканником и придвинул поближе блюдечко с медом. – Все же не можете привыкнуть к сахару? Это вы зря, уж поверьте специалисту.

– Я разве спорю? – улыбнулся Нечихаев.

Да, капитан Воробьицкий знал, о чем говорил. Будучи одним из энтузиастов выведения сахарной свеклы, он до войны смог составить достойную конкуренцию продукции французских колоний и в компании еще пятерых малороссийских промышленников почти монополизировал оптовую торговлю. И при этом опытный офицер, послуживший у самого Су-

ворова по интендантской и квартирмейстерской части и не имевший нареканий со стороны генералиссимуса.

Что еще про него сказать? Умен, расчетлив, честен в картах, склонен к философским размышлениям за трубкой и хорошим коньяком, богат. Собственно, и в армию из отставки вернулся добровольцем, дабы отличиться и получить причитающиеся орденосцу льготы по налогам. Выражал недовольство штабной должностью при французском императоре, поэтому предложенный Нечихаевым проект принял с воодушевлением.

– Какие-то вопросы, Михаил Касьянович?

– Вот, – на стол перед капитаном лег плотный конверт. – Доклад лейтенанта Фролова, одного из сопровождающих Бобруйский полк офицеров. Что вы на это скажете?

Павел Сергеевич достал бумагу и пробежался взглядом по неровным строчкам. Ну и что в докладе из ряда вон выходящего? Французы постоянно грызутся между собой, и убийство какого-то там Жан-Луи Гастона вряд ли можно назвать выдающимся событием. Рядовых в бывшей императорской гвардии много, и одним больше, одним меньше...

– Но это еще не все?

– Да, не все, – подтвердил Нечихаев и достал следующий пакет. – А вот доклад лейтенанта Самохина, присланный два дня назад. Обратите внимание на фамилию француза.

Ага, вот это уже серьезно. Некий Жан-Луи Гастон сообщил русскому офицеру о переданном Наполеону Бонапарту

письме, а на следующий день был задушен неизвестными и выброшен за борт. Падение тела в воду заметили часовые на соседнем корабле, так что замаскировать преступление под дезертирство злоумышленникам не удалось.

– Однако...

– Вот именно, – кивнул Нечихаев. – Вы уверены, Павел Сергеевич, что наш почтальон отдал императору именно наше послание, а не какое-либо иное?

Воробьицкий потер переносицу, что случилось с ним при сильном раздумье:

– А куда ему было деваться? Или пойти под трибунал, что гарантировало веревку, или согласиться с предложением.

– Не слишком ли легко и быстро согласился?

– У него был выбор? – вопросом на вопрос ответил Павел Сергеевич и тут же дополнил: – Хотя наша убедительная просьба вполне могла соответствовать его собственным планам. Можно сказать – удачно наложилась на них. Или он действовал по указаниям, а бонапартистский заговор существует независимо от него. Дело темное.

– Что будем делать? Через три дня флот выходит в море.

– А если... – Воробьицкий в задумчивости завязал узлом чайную ложку. – Если ненавязчиво посоветовать Наполеону в первую очередь бросить в бой гвардию?

– Бобруйский полк?

– Да, его. Понимаю, что от решения императора ничего не зависит, но выйти с этим предложением на Тучкова он

может?

– Может, – согласился Нечихаев. – Но как организовать сей спектакль?

– Мытьем и катаньем, – улыбнулся Павел Сергеевич. – Сейчас же и займусь.

Два часа, проведенные за изучением протоколов допросов и подписанием смертных приговоров, тянулись бесконечно долго, и Наполеон с нетерпением ожидал появления старшего адъютанта. Нетерпение выражалось в бесцельном хождении по кабинету и в ненавидящих взглядах, бросаемых на злополучную папку с документами. Бросить бы ее в огонь!

Опасные бумаги с опасными признаниями. Скорее всего, их подбирали специально, но по ним выходило, что чуть ли не всю «старую гвардию» можно хоть сейчас отправлять на виселицу. Доказательств, свидетельств, показаний очевидцев – более чем достаточно. Да, привыкшие к победам «ворчуны» не церемонились... но это же не повод! Или повод? Царь Павел Петрович вполне способен оставить союзника без наиболее верных и боеспособных частей. Это своих он бережет, а чужих... десятью тысячами больше, десятью тысячами меньше. Французы всего лишь мелкая монета на кону большой русской игры. Что же делать?

А сохранить людей необходимо, тут вопрос жизни и смерти, как бы ни пафосно звучала избитая фраза. Нет, смерти император не боялся – видеть гибель мечты гораздо страш-

нее.

Решение пришло одновременно с постучавшим в дверь адъютантом:

– Вы опаздываете, капитан.

В ответ Воробьицкий щелкнул крышкой карманных часов и покачал головой:

– Еще одна минута, Ваше Величество. У вас изделие господина Абрама-Луи?² Никогда не доверяйте проходимцам!

– Я подписал бумаги, – Бонапарт не стал развивать часовую тему. – Это все, или ваши трибуналы готовят мне еще сюрпризы?

– Они работают не покладая рук, Ваше Величество. Государь император Павел Петрович не может оставить безнаказанными преступления, совершенные против народа и гуманности. Согласитесь, что пролитая невинная кровь вызывает к отмщению?

– Ваш император настолько злопамятен, капитан? Неужели ему чуждо милосердие?

Наполеон осторожно, но упорно подводил адъютанта к нужной мысли, и тот оправдал надежды, клюнув на приманку:

– Милосердие нужно заслужить, Ваше Величество. Потом, кровью, подвигом... Да вы и сами можете это увидеть на примере дивизии Красной Гвардии. Вспомните, она когда-то была штрафным батальоном, сформированным из го-

² Авраам-Луи Бреге.

сударственных преступников. А что мы видим сейчас? Лучшая и наиболее боеспособная часть Российской Императорской армии, а бывшие штрафники командуют ею. В чинах и орденах, о прошлых же прегрешениях более никто не говорит и не ставит в упрек.

– Хотел бы я иметь подобную гвардию. – Бонапарт произнес фразу и выжидательно посмотрел на Воробьицкого.

– Так все в ваших руках, Ваше Величество, – с воодушевлением откликнулся капитан. – Предстоит немало горячих дел, и думаю, что найдутся люди, желающие начать жизнь с чистого листа.

– И эти тоже? – Император указал на папку с приговорами.

– Увы, – развел руками Павел Сергеевич, – закон обратной силы не имеет, и осужденные будут повешены. Вчера.

Наполеон сделал вид, что не заметил многозначительной оговорки, и продолжил:

– Но остальные?

– В каком смысле, Ваше Величество?

– Могу ли я устроить свои штрафные части по российскому образцу и обещать их солдатам прощение?

– Разве кто-то может помешать вам в этом? – удивился капитан. – Во Франции, слава богу, монархия, и достаточно издать соответствующий указ. Не думаю, что внутренняя политика Французской империи нуждается в чем-то одобрении, кроме вашего.

Бонапарт стиснул зубы, чтобы не произнести вслух все то, что он думает о политике.

– Вы подготовите проект указа, капитан?

– Если вам будет угодно, Ваше Величество.

Быстрое согласие адъютанта заняться документальным оформлением необычного предложения несколько насторожило императора. Нет ли здесь какого-либо подвоха?

– Эти части будут подчиняться непосредственно мне, капитан?

– Разумеется, Ваше Величество.

– И никто иной им приказывать не сможет?

– Так оно и будет, Ваше Величество.

Французский император, приготовившийся преодолевать упорное сопротивление русского офицера, неожиданно пошел на попятную:

– Давайте подождем с формированием штрафных батальонов. Что вы на это скажете, капитан?

– Как будет угодно Вашему Величеству, – на стол легла новая папка, как две капли воды похожая на старую. – Когда мне явиться за этими приговорами?

– Что, опять? Вы оставите меня без армии, капитан!

– Трибуналы работают, Ваше Величество.

Документ 2

Из речи премьер-министра Великобритании сэра Перси-

валя Спенсера в Парламенте.

«...Как нам сообщили, в свой последний час они пели «Боже, храни Англию»! Какой пример подали нам солдаты в эту великую эпоху! И какое обязательство это накладывает на нас всех, в особенности на весь британский народ.

Нормандия была и остается великим сигналом, который подает судьба Соединенному Королевству. Британский народ, у которого есть силы пережить такое несчастье и при этом еще почерпнуть из этого дополнительные силы, непобедим! В моей речи к вам и к британскому народу я вспомню героев Нормандии, которые накладывают на меня и на всех вас глубокое обязательство. Я не знаю, сколько тысяч человек прочитают это завтра в газетах... Я хочу обратиться ко всем вам из глубин моего сердца и затронуть глубины ваших сердец. Я полагаю, что весь британский народ интересуется, что я скажу сегодня вечером.

Поэтому я буду говорить со всей серьезностью, как того требует данная минута. Британский народ, воспитанный в верности короне, в состоянии вынести всю правду. Он знает всю серьезность положения, и потому Его Величество и Его Высочество принц-регент могут потребовать от него жестких и даже жесточайших мер. Мы, британцы, вооружены на случай слабости и нерешительности. Удары и несчастье войны только придадут нам дополнительные силы, твердую решимость, а также душевную и боевую волю для преодоления

всех трудностей и преград с присущим англосаксонской расе натиском.

Сейчас не время спрашивать, как все это произошло. Это может подождать до тех пор, пока британский народ и весь мир не узнают полную правду о несчастье последних недель, о его глубокой и судьбоносной значимости. Героические жертвы наших солдат в Нормандии имели глубокое историческое значение для судеб всей Европы. Они не были напрасными, и будущее укажет почему. Когда я перескакиваю через прошлое и смотрю вперед, я делаю это нарочно. Время не ждет! Времени на бесполезные прения и дискуссии не осталось. Мы должны действовать немедленно, тщательно и решительно – так, как всегда действовали англо-саксы.

Именно так действовала Британия с самого своего рождения во время множества войн, в которых она воевала и в которых она побеждала. Соединенное Королевство всегда действовало решительно, когда ему угрожала опасность. Мы не ведем себя как страус, который зарывает голову в песок, чтобы не видеть опасности. У нас хватает смелости для того, чтобы глядеть опасности прямо в лицо, чтобы хладнокровно и беспощадно переходить к решительным действиям с высоко поднятой головой. И как народ, как подданные Его Величества, мы всегда были на высоте, когда нам была необходима решительная воля для достижения наших целей и железное сердце, способное выдержать любую внутреннюю и внешнюю битву. Так будет и сегодня.

Моя задача – представить вам неприкрашенную картину сложившейся ситуации, а также сделать жесткие выводы, которые будут служить руководством к действию для правительства, так же как и для британского народа. В Нормандии мы столкнулись с серьезным военным вызовом. Кризис на данный момент очень широкий, во многом схожий, но не идентичный с кризисом весны тысяча восемьсот первого года. Позже мы поговорим о причинах.

Сейчас же мы должны принять все как есть, найти и применить способы для того, чтобы снова изменить ситуацию в нашу пользу. Ни в коем случае нельзя оспаривать серьезность ситуации. Я не хочу, чтобы у вас сложилось ложное представление о положении дел, которое может привести к ложным выводам и дать британскому народу ложное ощущение безопасности, что при нынешней ситуации более чем неуместно.

Буря, надвигающаяся в этом году от берегов Франции, затмевает собой весь прежний человеческий и исторический опыт».

Глава 3

Дом из серого, покрытого налетом угольной пыли камня ничем не отличался от других таких же. Похожая, почерневшая от времени, сажи и копоти черепица, дым над каминными трубами, разве что окна закрыты ставнями наглухо во всех этажах, а не только на первом. Впрочем, солнце в Лондоне бывает столь редко, что окна скорее можно считать данью моде и традицией, чем необходимым элементом архитектуры.

Или тому виной образ жизни здешних владельцев, с давних пор предпочитающих проводить ночи на балах и приемах, а днем отдыхать от утомительных увеселений? Может быть, и так, но сегодня привычный распорядок нарушен прибытием важного гостя. Настолько важного, что не откажешь в приеме, сославшись на недомогание, и не укажешь на дверь. Не часто скромному арматору³ приходится принимать герцога, пожелавшего остаться инкогнито.

Да, когда-то, еще до устроенной чернью резни, приходилось иметь дело с высокими особами, и отнюдь не по вопро-

³ От лат. *armator* (вооружающий, снаряжающий) – судовладелец; лицо, эксплуатирующее морское судно безотносительно к тому, принадлежит ли оно ему по праву собственности или нет. Арматор снаряжает судно в рейс, снабжает средствами, нанимает экипаж, приглашает капитана и несет ответственность за действия последнего.

сам морских перевозок.

– К вам не пробиться, маркиз! – Гостя не смутил заспанный вид хозяина, одетого в халат и домашние тапочки с легкомысленными помпонами. – Такой охране позавидует сам принц-регент.

– Вы льстите мне, сэр Роберт! – происхождение и древность рода, возводимого ко времени Людовика Святого, позволяли разговаривать с герцогом на равных, но положение беглеца от революции призывало к скромности. – Да и какой из меня сейчас маркиз. Вина?

– Пожалуй, – согласился англичанин, и непонятно было, к чему относится его согласие, то ли к первому утверждению, то ли ко второму предложению. Но он сам заметил двусмысленность и поспешил поправиться. – Все тот же херес? Вы всегда умели брать от жизни лучшее, маркиз.

Француз кивнул:

– С уходом наполеоновских войск из Испании торговля оживилась.

– А как же блокада?

– Мои корабли ходят под ирландским флагом, сэр Роберт. Русские почему-то искренне уверены в том, что ирландцы все до единого ненавидят англичан, и флаг несуществующей страны служит своеобразным пропуском. И с соответствующим экипажем...

– Педди⁴ нас, конечно же, любят.

⁴ Педди – прозвище ирландцев.

– Они любят деньги, и этого достаточно. В любой стране можно найти людей, ценящих звон монет гораздо больше, чем мифическую свободу и независимость.

С приходом слуги, принесшего херес и бисквиты, хозяин прервался и знаком указал гостю на кресло у камина. Тот сел, вытянув ноги к огню, и с преувеличенным интересом следил за наливаемым в бокалы вином. Потом, будто вспомнив что-то, спросил:

– У вас новая прислуга, маркиз?

Француз покачал головой:

– Это мой новый секретарь. Прежнему пришла в голову блажь пойти в армию, что он и проделал две недели назад. Увы, бедолага слег с горячкой буквально в тот же день, так и не примерив военный мундир. Судьба!

– И в эти тяжелые времена вы берете на службу незнакомого человека? Какая неосторожность, месье Бонжелень, право слово.

Секретарь с невозмутимым видом, будто разговор вовсе не о нем, закончил разливать херес и так же безмолвно удалился.

– Иоганн Лупехвальд прибыл ко мне из Ганновера с рекомендательными письмами от людей, которым я привык доверять. Тем более немец совсем не говорит по-английски, что, согласитесь, дает некоторые гарантии неразглашения моих коммерческих тайн. Удобно, знаете ли, когда можно отдать переписать письмо набело, не беспокоясь, что его прочтает

переписчик.

Герцог хмыкнул. Бывший французский маркиз де Бонжель, бежавший в Англию от революции, слишком вжился в роль преуспевающего негоцианта и во всем ищет выгоду. Впрочем, это ему вполне удастся – три десятка торговых кораблей приносят огромную прибыль, а в нынешние времена она вообще превосходит все ожидания. Блокада английского побережья, устроенная русскими, датчанами и неблагодарными голландцами, способствует взлету цен на провизию, и человек, способный найти лазейку в плотном кольце, должен попросту купаться в золоте. Но он же не откажется от еще больших денег?

Бокал с хересом забыт. Такое великолепие следует пить после заключения договора, дабы превосходным вкусом подчеркнуть выгодность удачной сделки.

– Скажите, маркиз, как вы смотрите на миллион фунтов?

Тот на мгновение опешил от волшебных звуков произнесенной вслух суммы, но быстро нашелся с ответом:

– Смотрю с умилением, если это мой миллион, и с негодованием, когда он в чужих руках. Но к чему этот вопрос, сэр Роберт?

– Я уполномочен сделать вам предложение...

– Кем? – перебил француз.

– Пусть это останется тайной, маркиз. Итак, мне поручено предложить вам миллион фунтов за переброску наших войск из Испании в Англию. Два месяца на всю экспедицию вам

хватит?

– У меня нет столько кораблей, сэр Роберт.

– Но есть связи в Вест-Индии. Там скопилось достаточное количество бездельников, способных провести свои корыта от Кадиса до Ливерпуля и Портсмута, не утонув по пути. Наймите их. Почему-то думается, что грабеж побережья Северо-Американских Соединенных Штатов менее выгоден и более опасен, чем предлагаемая мной прогулка.

– Насчет последнего я бы не стал говорить столь категорично – прорваться через блокаду удастся не всем. Особенно сейчас, когда средиземноморская эскадра русских окончательно вышибла последние британские военные корабли за Гибралтар и регулярно бомбардирует испанские порты. Лишь их природная лень мешает захватить оные.

– Бомбардируют, да, – согласился герцог. – Но только те, где сосредоточены британские войска, готовые к отплытию в метрополию. Его Высочество принц-регент отдал приказ разработать план эвакуации из других мест и распорядился поддержать операцию всеми силами Королевского флота. Так что не беспокойтесь, пойдете под сильной охраной.

– Так почему бы флоту не перевезти армию самостоятельно?

Сэр Роберт тяжело вздохнул:

– У кораблей Его Величества мало шансов вернуться, ведь русские в первую очередь ударят по ним, а не по торгошеским лоханкам, уж извините за грубость. Они примут на се-

бья удар, тем самым позволив сберець так необходимых Британии солдат.

– Ну, не знаю...

– А кто будет знать, маркиз? Тем более Его Высочество принц-регент недвусмысленно дал понять, что ваш отказ будет расцениваться как предательство по отношению к приютившему вас Соединенному Королевству со всеми вытекающими последствиями. Хотите пережить еще одну конфискацию?

Вот этого француз не хотел. Хотя во Франции у обедневшего донельзя маркиза никто и ничего не конфисковывал, за полным отсутствием подлежащего изъятию имущества, но чувствовать себя ограбленным, тем не менее, получалось. А здесь есть чего терять – пусть даже приходится делиться с пожелавшим остаться в тени компаньоном, но оставшиеся прибыли делают его одним из богатейших людей Великобритании. Да, есть чего терять...

– Я согласен, сэр Роберт. А теперь могу ли я услышать подробности предстоящей операции?

Герцог явно не ожидал иного ответа и с довольным видом произнес:

– Все это будет доставлено вам особым курьером, в том числе и указ, подтверждающий ваши полномочия по приглашению приватиров на королевскую службу.

– С патентами на звания?

– Только в исключительных случаях и только для имею-

щих каперскую грамоту. Его Высочество уважает добрую волю откликнувшихся на призыв и не хочет связывать их какими-либо обязательствами на будущее. Но, в любом случае, всегда готов приветствовать истинных патриотов Британии, решивших вернуться под родные знамена.

– Сделаю все, что только в моих силах, сэр Роберт.

– Никогда не сомневался в этом, маркиз. Когда переслать чек?

– Я предпочитаю наличные, если не возражаете.

– Но такая сумма...

– Ничего страшного, я подожду.

Спустя пятнадцать минут после отъезда высокого гостя хозяин дома оправдывался перед секретарем, мешая от волнения французские, русские и английские слова:

– Уверяю вас, Иван Михайлович, отказаться не было ни единой возможности. Проклятый герцог выставил условием существования нашего предприятия, и подвергать риску налаженное дело я не решился. Думаю, оно еще немало поработает к нашему обоюдному удовольствию.

– Да полно вам, маркиз! – Капитан Лопухин расположился в покинутом недавним гостем кресле. – Разве можно поставить в вину надлежащее исполнение договоренностей?

– А что на это скажет Федор Иванович?

Красногвардеец пожал плечами:

– Не думаю, что майор Толстой откажется от доли в зара-

ботанных нами деньгах. Миллион пообещали, но можно ли рассчитывать тысяч на пятьдесят? Или эти жмоты и двадцати не дадут?

Маркиз на вопросы не ответил. Все его внимание захватила первая фраза.

– Заработанных?

– Ну да, вы же не собираетесь обманывать милейшего герцога? Мой дорогой маркиз, деловая репутация наработывается годами, прежде чем начинает приносить дивиденды, и мы не хотели бы, чтоб все усилия процветающего и безупречного предприятия пошли прахом. Выгоднейший фрахт обязательно нужно взять. И почему-то кажется, что застраховать суда от всех непредвиденных случаев, включая утопление русским флотом, тоже необходимо. Надеюсь, английское правительство в этом тоже поможет.

– В утоплении поможет, Иван Михайлович?

– Нет, тут справимся и без них. Но почему бы не заработать еще и на страховке? Господин Юлиус Ангерштейн⁵ не обеднеет.

Маркиз задумался. За пять лет работы на русскую разведку он успел убедиться в чрезвычайной выгодности такового занятия и никак не ожидал от капитана предложения лишить предприятие будущего, пусть даже за хорошие деньги. Допустим, корабли всегда можно купить новые, а еще лучше заказать на черноморских верфях, но кто на них будет пла-

⁵ Председатель Ллойда в описываемое время.

вать? Вот так взять и утопить команды, где даже последний юнга способен проложить курс от Ливерпуля до Гаити и обратно?

Лопухин, видя сомнения арматора, добавил:

– Примете на борт специалистов по минно-взрывному делу. Они же и будут командовать эвакуацией экипажей, о чем вы отдадите соответствующий приказ капитанам в письменном виде. Наши флаги пусть поднимут, что ли... а то спасатели, не разобравшись, могут и ракетами залпировать. Да, можете даже пообещать каждому моряку небольшую компенсацию за доставленные неудобства. Но немного, иначе загуляют, а их уже ждут зерновозы в Одессе.

– Чьи?

– Ваши, разумеется. О цене поговорим позже.

Бонжелень мысленно похвалил себя за то, что не стал возражать на предложение месье Лопухина. Или это свыше послали в голову желание промолчать? Да без разницы, маркиз все равно осознавал неизбежность операции и ее независимость от мнения формального владельца компании. Как бы то ни было, он выйдет из щекотливой ситуации с прибылью и новыми кораблями. К сожалению, парусными, так как использование паровых машин в любых перевозках запатентовано Российской империей, и авторское право строго охраняется министерством госбезопасности. Всезнающее ведомство графа Бенкендорфа не дремлет, и нарушитель очень быстро почувствует в собственном кармане длинную руку

Санкт-Петербурга.

– А что делать с наличными, Иван Михайлович?

– Если они вообще будут, маркиз. Но давайте решать проблемы по мере их поступления.

Чуть позже в Лондоне происходил еще один любопытный разговор, напрямую касающийся судьбы арматора и его предприятия. Седой господин с безупречной военной выправкой выговаривал сидящему с бокалом бренди собеседнику:

– Как вы могли дать согласие на оплату наличными, сэр Роберт? Казначейство не собирается рисковать такой внушительной суммой, да и принц-регент традиционно будет недоволен. Надо же до такого додуматься!

– Питер! – С другом детства герцог мог себе позволить фамильярность. – Кто говорит о миллионе? Маркиз де Бонжелень и сам понимает несуразность этой цифры.

– Тем более. Мог выдать чек, а потом его опротестовать.

– Не будем мелочиться, Питер. Привезу маркизу тысячу десятков задатка, а после выхода кораблей в море тут же все и конфискуем, обвинив нашего друга в шпионаже в пользу России.

– Что, он на самом деле шпионит?

– Не думаю, но в столь тяжелые времена любого можно арестовать по обвинению в государственной измене и работе на Санкт-Петербург, и парламент будет рукоплескать героям, разоблачившим негодяя. И никто не спросит о дока-

зательствах, Питер!

– Даже десять тысяч...

Герцог усмехнулся:

– Я готов вложить в операцию личные средства, но в таком случае хочу рассчитывать на половину состояния покойного маркиза.

– Покойного?

– А зачем он нам живой нужен?

Человек с военной выправкой помассировал плечо, до сих пор ноющее к непогоде из-за полученной в Испании раны. Французов он не любил в любом виде, но предпочитал сходиться с ними в открытом бою, а не резать тайком. Да, порой приходилось делать и такое, но там все объяснялось военной необходимостью. Но, с другой стороны, такие деньги и практически ничьи...

– Можешь рассчитывать на две трети, Роберт, но уж их мы поделим поровну. Согласен?

Герцогу ничего не оставалось, как отсалютовать собеседнику бокалом. Поневоле согласишься, потому как без поддержки секретаря канцлера казначейства не получить и десятой доли от внушительного состояния маркиза, заслуженно занимающего место в первой сотне самых богатых людей Соединенного Королевства.

– Да, я согласен. Сейчас же еду в банк, а потом к де Бонжеленю.

– Не торопись, вы же еще не обсуждали детали экспеди-

ции?

– Они будут направлены курьером.

– Это зря, – человек с военной выправкой укоризненно покачал головой. – Разве можно доверять такие тайны посторонним? Поедем к маркизу вместе и там обсудим все нюансы. Порученное Его Высочеством дело не должно пострадать из-за того, что глупый француз обязательно что-нибудь поймет неправильно.

– Хорошо, но сначала в Адмиралтейство за бумагами.

А еще через неделю невзрачная рыбацья лодка вышла на промысел от берегов Уэльса, имея на борту странного пассажира. Горбатый и одноглазый, с трясущимися руками, он выглядел настолько несовместимым с морским путешествием, что поначалу добрые валлийцы отказывались брать его с собой, опасаясь за жизнь престарелого господина. Но горбун оказался настойчив и подкрепил просьбу кошельком с новенькими шестипенсовиками, так что красноречие победило. Если почтенному ученому мужу вдруг приспичило открыть новый вид креветок или исследовать селедочные кишки, то почему бы не помочь человеку прославить свое имя?

Но едва только берег скрылся из виду, как дряхлый сморчок из Королевского общества⁶ преобразился – исчезла черная повязка с глаза, пропал горб, оказавшийся спрятанным

⁶ Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе, в просторечии Королевское общество (англ. *The Royal Society of London for the Improvement of Natural Knowledge*).

под сюртуком заплечным мешком на широких лямках, но появилась пара многозарядных пистолетов. И сам ученый господин резко помолодел, и рука, приставившая холодный ствол ко лбу владельца лодки, нисколько не дрожала.

– Милейший, вы не будете столь любезны доставить меня вон к тому дымку на горизонте? Разумеется, это оплачивается дополнительно. Пятидесяти копеек хватит?

Предложение возражений не вызвало. Более того, добрые валлийцы даже вздохнули с некоторым облегчением, признав в пассажире русского шпиона. Только они всегда давали право выбора между деньгами и пулей, и хотя без раздумий пускали в ход оружие в случае сопротивления, но предпочитали расплачиваться, а не стрелять. Пару раз такое милосердие вышло им боком, но доносчиков строго наказали свои же соотечественники, опасавшиеся лишиться постоянного и относительно честного дохода. Ведь иные умудрялись зарабатывать до пяти рублей в неделю, курсируя между Британией и Францией.

– Будет исполнено в лучшем виде, господин офицер! – Хозяин лодки доверительно понизил голос. – Мы уже дважды перевозили ваших солдат в пятнистых мундирах.

Капитан Лопухин улыбнулся и убрал пистолеты:

– Тогда вам известно понятие военной тайны?

Валлиец хитро прищурился:

– Это нам известно, господин офицер. И мы готовы сохранять ее и дальше, если вы не против.

– Почему же мне быть против?

– Так вы согласны постоянно использовать нашу лодку для перевозок?

Тут Лопухин немного задумался. В принципе, все равно через пару дней переправляться обратно, так что... Почему бы и нет?

Гавр встретил капитана дождем, запахом тухлой рыбы и суетой – обязательной спутницей всех сборов. Так называемый «флот вторжения» готовился покинуть французский берег, чтобы уже в который раз в истории высадить завоевателей на укрытые вечными туманами острова. Только сейчас задействованные силы не идут ни в какое сравнение с авантюрой герцога Гийома⁷, когда тот больше надеялся на удачу, чем на точный расчет и военную науку. Правда, и противник у него, как бы помягче сказать... был пожиже.

Ныне Англия способна дать достойный отпор любому покусившемуся, во всяком случае, сами англичане свято верят в эту истину. Ну что же, тем почетнее победа!

– Соскучился по belle France, герр Иоганн? – Появление давнего друга, родственника и командира в одном лице ожидалось, поэтому Иван не удивился. Ну разве может майор Федор Иванович Толстой пропустить такое событие?

– И тебе не хворать, друг мой Теодор! – Лопухин накинул поданную командирским денщиком шинель и признался: –

⁷ Вильгельм I Завоеватель – фр. *Guillaume le Conquérant*.

Я соскучился по водке, квасу и щам. Еще можно селедки с картошечкой. И лучком это все сверху...

— Гурман, однако. Тут земляными яблоками только сви-ней кормят.

— Ага, дикий народец, — согласился капитан. — Тучков у себя?

— Третий день тебя дожидается. Почему задержался?

— Были причины, потом расскажу.

— Сейчас к командиру?

— Да, но нужно Мишку Нечихаева найти — там для него работа намечается.

— Это насчет кого-нибудь тихонько пристрелить?

— Возможно, но в первую очередь придется защищать. Ах-тырцы ведь у нас боям в городских условиях особо обуча-лись?

Документ 3

Из речи премьер-министра Великобритании сэра Перси-валя Спенсера в Парламенте.

«Мы не из тех робких личностей, которые как зачарован-ный кролик ждут, пока их не проглотит питон. Мы предпо-читаем своевременно распознавать опасность и применять действенные меры. Мы видим насквозь не только политику русского царя, но и его практику, поскольку мы имеем бо-

гательный опыт за всю нашу историю. У нас было несколько веков процветания, и Санкт-Петербургу нас не обмануть. Цель русских – мировое господство. Они хотят ввергнуть Британию и Европу в хаос, используя последующие за этим безнадёжность и отчаянье, чтобы установить варварскую, азиатскую, скрывающуюся за маской цивилизованности, тиранию. Можно даже не говорить, что это будет означать для британского народа. Русификация Британии будет означать ликвидацию всей англосаксонской расы.

В Санкт-Петербурге занимаются поиском рабов для отправки на принудительные работы в сибирскую тайгу. Буря с востока – это не что иное, как повторение исторического опустошения, которое в прошлом часто угрожало этой части мира. Это прямая угроза существованию всех европейских держав. Не стоит думать, что русские остановятся во Франции, где они уже победили. Цель их злобной политики и захватнических войн – это русификация всех стран и народов в мире. При виде столь неприкрытых намерений нас не одурманить заявлениями о миролюбивости Санкт-Петербурга.

Мы знаем, что на востоке имеем дело с адской азиатской дьявольщиной, которая не признает норм цивилизованной войны и не признает веками сложившихся отношений между народами и государствами. Когда, к примеру, Наполеон Бонапарт говорит, что Европу нужно отдать русским, и цинично добавляет, что только русские смогут решить все проблемы континента, мы знаем, что у него на уме.

Европейские державы стоят перед огромной проблемой. Западная цивилизация в опасности. И не имеет значения, осознают ли это их правители или нет. Как бы то ни было, британский народ не желает склониться перед лицом этой опасности. Позади приближающихся русских дивизий мы видим азиатские отряды по уничтожению, а позади тех – террор, призрак массового голода и полную тиранию.

Азиатчина – это дьявольская разлагающая закваска, которая получает циничное удовлетворение от того, что она подвергает мир в глубочайший хаос и разрушает древние культуры, в создании которых она не принимала никакого участия. Мы также осознаем нашу историческую ответственность. Двухтысячелетняя западная цивилизация в опасности. Переоценить опасность просто невозможно.

Показательно то, что когда кто-то называет ее по имени, купленная русскими Европа начинает громко протестовать. Европа зашла столь далеко, что опасность уже нельзя называть опасностью, если причиной ее служит Санкт-Петербург. Это, однако, не мешает нам делать нужные выводы. Именно это мы делали, выводя на чистую воду предателей внутри страны. Купленный русским царем, бывший адмирал Горацио Нельсон играл на руку русской азиатчине, преуменьшая и занижая растущую опасность, а также убаюкивая наш народ, снижая его способность к сопротивлению. Предатель справедливо закончил жизнь на виселице.

Но мы знаем, что, если опасность не уничтожить, милли-

оны британцев окажутся во власти голода, нищеты и рабства в Сибири. Мы не хотим, чтобы наша часть света рухнула и похоронила под своими руинами древнее наследие Запада. Такова опасность, которая угрожает нам сегодня».

Глава 4

Указка в руке майора Толстого ткнулась в висящую на стене карту где-то в районе Саутгемптона, хотя речь шла об Испании:

– Таким образом, мы видим, что англичане не ставят перед собой задачу помешать нашей высадке, так как понимают безнадежность этой попытки. Они планируют задержать наступающие французские части у крупных городов, в последнее время превращенных в неприступные крепости, и ударить им в тыл силами эвакуированных из Испании отрядов генерала Дальримпла. Не нужно забывать, что он прихватит с собой несколько испанских полков... если сумеет, конечно. И следует учесть, что приказом принца-регента выводятся все колониальные войска из Вест-Индии и Канады, что, по самым скромным прикидкам, даст дополнительно до двадцати тысяч штыков.

Совещание длилось не первый час, и председательствующий на нем генерал-майор Красной Гвардии Тучков дважды приказывал подать чай с легкими закусками, дабы урчание голодных офицерских желудков не отвлекало от обсуждения. Оно, надо сказать, получилось бурным и плодотворным, но ответственность за принятые решения все равно ложилась на плечи единственного во Франции русского генерала. Неизвестно, чем руководствовался государь импе-

ратор Павел Петрович, давая командиру дивизии неограниченную самостоятельность, но так уж получилось, что он не пустил сюда даже рвавшегося всеми правдами и неправдами фельдмаршала Кутузова. Может быть, для того, чтобы французский император не чувствовал себя ущемленным в присутствии победителя? Кто знает...

Высочайшее доверие радовало, окрыляло и давило тяжелым грузом одновременно. Это Барклаю де Толли и Милорадовичу, сколачивающим крохотные независимые государства из обломков Австрийской империи, сейчас хорошо. Там думать не нужно, только не позволяй превышать допустимый уровень потерь среди мирного населения при наведении порядка да следы, чтобы Турция под шумок чего-нибудь не откусила от освобожденных территорий. А тут европейская политика, будь она неладна!

– Вы считаете, Федор Иванович, что англичане в столь короткие сроки способны организовать доставку колониальных войск? С испанскими частями как раз понятно, их можно зачислять на довольствие к морскому царю, но если вестиндские приватиры организуются...

– Разрешите, ваше превосходительство? – поднял руку капитан Нечихаев.

– Без чинов.

– Есть без чинов, Александр Андреевич. Поступили сведения от... неважно от кого, но из заслуживающего доверия источника. И там сообщается о непонятном оживлении сре-

ди французских судовладельцев, проживающих и ведущих дела в колониях.

– Да и черт с ними, – отмахнулся указкой майор Толстой. – Тоже мне просвещенные мореплаватели. Может быть, они собираются немного помародерствовать на английском побережье, когда оттуда уйдут наши отряды?

Тучков хлопнул ладонью по столу:

– Мародеров расстреливать на месте! А информацию капитана Нечихаева мы передадим в госбезопасность, это их епархия. Вы же, Федор Иванович, озаботьтесь судьбой эвакуируемых из Испании англичан. Не хотелось бы в самый неподходящий момент обнаружить за спиной свежие неприятельские силы.

– Мы уже работаем над этим, – заверил Толстой.

Командир дивизии кивнул, показывая, что принял слова майора к сведению. Никого давно уже не удивляло разнообразие задач, выполняемых Красной Гвардией, – тут тебе и диверсии во вражеском тылу, и разведка, в том числе заграничная, и выполнение деликатных операций финансового характера. На все руки умельцы, как семь Симеонов из сказки или Емелина щука из проруби. У нее, правда, рук нет.

Тут оживился дремавший в уголке Лопухин:

– Так я Нечихаева заберу, Александр Андреевич?

– А моим мнением поинтересоваться нельзя? – Мишка сделал вид, что обиделся.

– Разве ты откажешься от небольшой прогулки на ту сто-

рону канала? – удивился Лопухин.

– Нет, не откажусь.

– Тогда о чем разговор?

Морские путешествия Нечихаеву всегда нравились, и он никогда не испытывал неудобств при любой волне. А на этот раз и погода благоприятствовала – ровный южный ветер заполнял грязный парус старой рыбацкой лодки, и плеск воды в борта располагал к романтическому созерцанию. Звон оловянных кружек отмечающих удачный фрахт валлийцев не мешал, органично дополняя поскрипывание мачты, шелест шомпола внутри винтовочного ствола и стук выпавшей у кого-то масленки. Привычные звуки для военного человека, способного дремать под артиллерийскую канонаду и просыпающегося от шагов крадущейся за воробьем кошки.

Гусары в лодке ничем не напоминали военных людей. Они и людей не совсем напоминали – четверо выпускников Итонского колледжа, решившие весело провести время в глуши, подальше от строгих родительских глаз. Мишка специально подбирал самых молодых, да и то сержанту графу Замойскому пришлось сбрить усы. Между подвигом и шляхетской гордостью настоящий гусар всегда делает выбор в пользу подвига! Да и было тех усов... три волосинки в два ряда.

Зато одет русский гусар польского происхождения по последней лондонской моде – василькового цвета фрак со стоячим выше ушей воротником, лосинные штаны с набитым

песком длинным мешочком в определенном месте, сапоги блестят, как лицо у гвинейского вождя, на помажен и напудрен, лишь волосы по причине короткой прически не завиты. Хоть сейчас вручай лорнет и отправляй в «Лицеум» или на променад по Пэлл-Мэлл. Вот только стесняется немного сержант своего наряда. Не привык, что ли?

Впрочем, сам Нечихаев выглядит примерно так же. Недаром майор Толстой для отплытия из Гавра выбрал раннее утро, чтобы никто не смог увидеть Федора Ивановича в странной компании. Он даже сплюнул украдкой и пробормотал, думая, что никто не услышит:

– Содом с Гоморрой, прости хоссподи...

Да уж, дикое зрелище для отвыкшего от европейских мод человека. В России нынче одеваются иначе. Не сказать, что скромнее, но гораздо удобнее и естественней. «Красота не может быть неприличной!» Под этим девизом, пущенным в обиход императрицей Марией Федоровной, женские юбки укоротились аж на две пяди, платья старались не скрыть недостатки, но подчеркнуть достоинства, и мода уступила позиции естественности.

– Скоро будем на месте, господин офицер. – Хозяин лодки, не выпуская из руки кружки, указал вдаль. – Зайдем в бухту (ее название Мишка так и не разобрал), а там рукой подать до Кармертена. Оттуда дилижансы каждый день ходят, все же не глухомань какая!

Нечихаев кивнул. Инструкцию по пользованию англий-

ским транспортом их заставили выучить наизусть, но роль богатых лондонских балбесов предусматривала право на небольшие ошибки, вполне допустимые для привыкших пользоваться собственными экипажами юношей.

– Заканчиваем чистку оружия, господа. Князь, черт вас побери, поправьте же наконец свой тюрбан!

Старший сержант Иоселиани, из-за сильного акцента и совсем не английского вида назначенный индусом, пожаловался:

– Да он постоянно набок сползает.

Граф Замоиский не удержался от шутки:

– А он, наверное, туда гранаты спрятал.

Иоселиани, известный пылкой страстью ко всему взрывающемуся, улыбнулся и промолчал.

– Оружие упакуйте, ироды, – Мишка убрал собственную кулибинку в чехол из промасленной овчины. – На виду только охотничье оставьте.

Самый молодой из гусар, на вид лет одиннадцати-двенадцати, со вздохом и гримасой отвращения дотронулся до прислоненного к борту лодки английского ружья, слишком тяжелого для него:

– А если случатся какие-нибудь недоразумения при высадке на берег, Михаил Касьянович? – Он единственный называл Нечихаева по имени и отчеству.

– Для разрешения недоразумений, Николя, у нас и без того немало чего интересного найдется.

– Давай я тебе гранату подарю? – тут же откликнулся князь Иоселиани. – Потом две отдашь.

– Согласен, – кивнул юный гусар. – А лишнего ручного ракетомета не найдется?

Нечихаев плюнул за борт. Он уже проклял тот час, когда поддался на горячие уговоры Великого князя Николая Павловича и согласился взять его в эту экспедицию. Вообще-то ничего опасного не планировалось, всего-то нужно, так это вывезти в безопасное место маркиза де Бонжеленя, а потом вернуться в Лондон и немного пострелять с солидного расстояния. Но воинственное настроение наследника престола начинает беспокоить.

– Отставить гранаты! Если до них дойдет дело, значит, мы полностью провалили порученное нам задание, и понадобится камень побольше...

– Зачем?

– Привязать на шею и утопиться...

Но высадка прошла спокойно. Никто не встречал гусар ружейной пальбой, и никто не выскакивал из прибрежных кустов с криком: «Ловите русских шпионов!» Все как-то буднично, словно не в Англию тайком прибыли, а в Кронштадт по делам службы. Рыбаки за дополнительную плату сбегали в родную деревню, обеспечив путешественников транспортом в виде замороженной работой лошади, запряженной в знававший лучшие времена рыдван, и на этом примечательные

происшествия закончились.

Дорога от бухты до Кармартена произвела на Мишку самое благоприятное впечатление. Все засыпано гравием, нет ни луж ни колдобин... до тракта Петербург – Москва – Нижний Новгород, конечно, не дотягивает, но с дорогой Арзамас – Ардатов или Рига – Ревель по качеству вполне может поспорить. И сравнение, честно сказать, выйдет явно не в пользу последних. Впрочем, это чуть ли не проселок, и нужно посмотреть, что будет дальше.

До гостиницы добрались задолго до ужина, но на дилижанс все равно не попали. Те отправлялись в полдень, и, по уверениям хозяина, на завтрашний лучше не рассчитывать.

– Вы можете подождать здесь, сэр! – владелец гостиницы обратился к Нечихаеву, опытным взглядом определив в нем старшего из путешественников. – Прикажете приготовить комнаты?

Мишка благосклонно кивнул и с самым скучающим видом поинтересовался:

– А как у вас с развлечениями?

– Скоро в городе начнется ярмарка, сэр.

– Какая пошлость... я имею в виду приличную компанию для игры, милейший.

Хозяин озабоченно почесал заросший рыжей щетиной подбородок:

– Если только пригласить мистера Дэвиса, он наш аптекарь, доктора Хаткинса и преподобного отца Филиппа Кран-

мера.

– Они джентльмены? – Мишка приподнял бровь, изображая недоверие. – Знаете, не хотелось бы, чтоб моему отцу сообщили, что его сын проводит время в неподобающем обществе.

– Да, они несомненно джентльмены. Мистер Дэвис и мистер Хаткинс двоюродные братья, а их покойный дедушка служил секретарем у епископа Йоркского.

– Это достойное занятие, – монета прокатилась по столу и сама собой исчезла, вызвав улыбку хозяина. – Не возьмете на себя труд пригласить джентльменов на ужин с последующей партией в криббедж?

– А ваши друзья...

– Да какие они игроки! Скажу по секрету, эти горькие пьяницы надоели мне еще в колледже, и если бы не просьба ма-тушки...

– Как, и мальчик тоже пьет?

Нечихаев за спиной показал кулак хихикающему цесаревичу и подтвердил:

– Мальчик пьет больше всех. Любимый внучатый племянник архиепископа Кентерберийского, вот и избаловали ребенка. Но прошу при всех ему не наливать, лучше отнесите вино в комнаты.

Не дожидаясь ужина и приглашенных к оному джентльменов, Нечихаев заказал легкие закуски и сейчас, угощая мест-

ного кота кусочками какой-то мелкой дичи, отвечал на скопившиеся у великого князя вопросы. На множество вопросов.

– Разве мы не должны добраться до Лондона тихо и незаметно?

– Совершенно верно, должны.

– Тогда как это согласуется со славой горьких пьяниц? Скоро весть об этом разлетится по всему городку, и все жители соберутся в гостинице, чтобы посмотреть на малолетнего забулдыгу и его приятелей.

– Да пусть собираются, тебе жалко?

– А секретность?

Мишка отвесил подзатыльник коту, вознамерившемуся забраться в тарелку целиком, и сам задал вопрос:

– А как еще скрыть мелкие ошибки в поведении? Вот ты знаешь, сколько нужно давать чаевых кучеру дилижанса?

– Так место уже оплачено, зачем еще давать?

– Николя, это мы давно живем в просвещенном девятнадцатом веке, а Англия намертво застряла в средневековье. Нравы и обычаи, во всяком случае.

– Ну да, ну да... – цесаревич вспомнил некоторые речи своего отца, опубликованные в газетах. – Загнивающее средневековье, и все такое... Богато, между прочим, гниют.

– Страна, ограбившая половину мира, и должна быть богатой. Иначе зачем тогда грабить? Из любви к искусству?

Великий князь Николай Павлович знал причину непри-

язни капитана Нечихаева к англичанам – семь с лишним лет назад в деревеньке под Санкт-Петербургом они убили мать и отца маленького Мишки. Ему самому и его сестре посчастливилось встретиться с гусарами Ахтырского полка, уничтожившими убийц. Но твердая уверенность в том, что хороший англичанин – мертвый англичанин, осталась у Михаила Касьяновича на всю жизнь.

– А зачем вы пригласили джентльменов на ужин?

– Это тоже своеобразная маскировка, Николая. Пусть у них в памяти останется скучающий и сорящий деньгами недоросль. Ну кто подумает, что в этой глуши появится русский, да еще и картежник? Ты же знаешь, как Павел Петрович относится к азартным играм.

– Наслышан.

Надо сказать, что официально карточные и иные игры на деньги не являлись в Российской империи преступлением, но застигнутые за сим занятием люди немедленно отправлялись щекотать себе нервы рядовыми в пехотные полки. Добровольцами, разумеется. Исключение делалось для скачек и стрелковых соревнований – вот там любой желающий, участвуя лично, мог поставить значительные суммы на свою победу, и выигрыш не облагался налогом. Как заявил государь император:

– Лишь действие, способное в будущем принести пользу Отечеству, заслуживает поощрения.

Николай Павлович задал еще один вопрос, пожалуй, са-

мый главный из всех:

– Но зачем сорить деньгами? Неужели нельзя выиграть?

– Выиграть? – задумался Нечихаев.

– Да, и у нас здесь появится собственная аптека.

Идея капитану понравилась, но если бы он знал, чем грозит ее исполнение... Но кто с вечера задумывается о завтрашнем утре?

Утро принесло ему сильную головную боль, обрывки смутных воспоминаний о вчерашней игре и большую кружку холодного огуречного рассола.

– Держи, командир. – Сержант Замоиский присел на стул рядом с кроватью. – Представляешь, в этих тьмутараканях продают соленые огурцы, и они почти как настоящие. Тебе, кстати, вроде бы понравились.

– Да? – Нечихаев надолго приложился к кружке, ополовинив ее, с трудом перевел дыхание и уточнил: – Когда?

– Вчера.

– Совсем ничего не помню.

– Ну еще бы, – кивнул граф. – Русский человек за год выпивает меньше, чем англичанин способен выдуть за один вечер. Нашел с кем связываться – они же оба в молодости во флоте служили, так что питейная закалка не чета нашей.

– И священник? Как его там...

– Этот до сих пор под столом спит. Устал сильно.

– Понятно. И много я вчера проиграл?

– Выиграл.

– Каким образом? – изумился Нечихаев.

– Не знаю, но на столе лежат долговые расписки на полтора фунтов и обязательство в случае неуплаты отработать пять лет в земской больнице города Тобольска.

– Чертовщина.

– Это мастерство, командир.

– А который час?

– Полдень доходит. Кстати, князь Иоселиани договорился с пассажирами дилижанса.

– О чем? – не сразу сообразил Мишка.

– Они уступят нам свои места, причем очень недорого.

– Недорого – это сколько?

– Мишико предложил им угадать: под каким из трех стаканчиков прячется орех, ну вот и... Меняет древнюю тайну индийских раджей на места в дилижансе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.